

Ольга Владимировна Погодина
Небесное испытание
Серия «Джунгар», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182346*

*Ольга Погодина. Джунгар. Небесное Испытание: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057671-5, 978-5-403-01019-1*

Аннотация

Илуге.

Сын отрешенной от трона княжны государства Ургах, выросший в изгнании, с детства познавший все ужасы доли невольника – и ставший одним из лучших воинов привольных восточных степей, где обитают мужественные, не знающие страха кочевники.

Теперь на него начинается настоящая охота... Смерти опасного родича желают двоюродные братья, подчинившие своей власти племена охоритов и мечтающие о захвате княжеского трона.

Смерти его ищет и отважный Юэ – лучший из полководцев империи Куаньлин, ведущей опасную и циничную дипломатическую игру, цель которой – захватить Ургах.

Но Илуге не страшится врагов – ни тайных, ни явных. Он готов рискнуть собственной жизнью и открыто явиться в Ургах, чтобы спасти от гибели мать, которую обвинили в предательстве и приговорили к мучительной казни...

Содержание

Глава 1. Чужаки	4
Глава 2. Первая битва	17
Глава 3. Узы неожиданности	26
Глава 4. Итаганский мир	38
Глава 5. Выбор	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Погодина

Джунгар. Небесное Испытание

И маленький камушек может погубить город – если он лежит на вершине горы.

Ургаишская поговорка

Глава 1. Чужаки

Год 1372 от начала правления императора Кайгэ по куаньлинскому календарю, месяц Бурь

К ручью осторожно, проваливаясь по брюхо в свежавыпавший снег, спускался изюбр, наклонял рогатую голову, чтобы не задеть низко нависающие ветви. От широкой незамерзшей еще полыньи поднималось влажное марево, оседающее на соседних деревьях и обрывистых каменистых склонах ручья причудливой белой вязью, – зимой здесь, в предгорьях Эбгэйского хребта, стояли трескучие морозы. Влажные ноздри изюбра тоже покрылись белой каемкой, черный блестящий глаз косил в сторону леса, уши прядали, – что-то тревожило животное. Наконец, простояв довольно долго в глухой тишине морозного утра, изюбр спустился к полынье и опустил морду в быструю воду, масляно-черную среди окружающей ее хрупкой ледяной корки.

Коротко свистнула стрела, следом, почти догоняя первую, полетела вторая. Изюбр прыгнул было, но не успел – одна стрела вошла ему в грудь, вторая в брюхо. Животное мучительно закричало, судорожно метнулось в слепой жажде бежать, но под его весом намерзшая ледяная кромка проломилась, и изюбр провалился в воду по брюхо. Ручей был довольно мелким, но сил выбраться из ледяной ловушки, умчаться прочь у него уже не было – глаза застилало, вода и снег вокруг окрашивались красным.

Он уже умирал, когда с противоположной стороны ручья, сшибив целый сугроб снега с огромной ели, появился человек на коротких, широких снегоступах и меховой парке с капюшоном. Они встретились взглядом за удар сердца до того, как огромный олень перестал дышать. Человек откинул с головы капюшон, и стало видно, что он стар, – седые косицы, прорезанное морщинами лицо, темное, как кора. Ловко срубив молоденькую осинку, он подошел к краю ручья, опустил слегу в воду, оттолкнулся и легко перемахнул на другой берег. Затем вытащил из-за пояса нож, резанул изюбра по шейной артерии и припал губами к ране – кровь только что убитого зверя, еще теплая, дарует силу и вечную молодость, вместе с ней сила зверя переходит к охотнику.

Оторвался, отер губы, отступил, наблюдая, как темно-красный ручеек струится по шкуре и беззвучно утекает в черную воду. Потом сноровисто снял со спины хитро привязанный тючок, вытащил несколько гладких, оструганных колышков и принялся мастерить волокушу.

Он уже почти закончил, когда с того берега донесся треск сучьев, какой сопровождает только неумело ломящегося по лесу человека. Старый охотник откинул ухо меховой шапки, прислушался. Пар от его дыхания желтоватыми в солнечном свете клубочками поднимался вверх.

Троих торопливо пробиравшихся к нему людей можно было разглядеть издалека. По меньшей мере двое из них явно были чужаками, ни один охорит не будет так переваливаться в снегоступах.

– Эй, старик, – услышал он молодой недовольный голос. – Это был наш излюб, мы его из-за хребта сюда гнали!

– Наверное, ваш куда-то еще побежал. Этого я с осени заприметил, куда он на водопой ходит, – лукаво сказал старик. – Вот туточки, в этом месте и ожидал.

– Ну я же говорю – наш. – Говоривший выбрался на берег ручья, и старик смог рассмотреть его скрытое паркой лицо. Впрочем, он и без этого уже знал, кто это: это чужаки из Ургаха, видно по змеиным глазам. Следом подошел второй – оба были на голову выше сопровождающего их охорита, – тщедушного кривоногого парня с непроницаемым скуластым лицом.

– Что скажешь, Этугей? – обратился старик к проводнику и по тому, *как* обратился, сколько в голосе прозвучало властной уверенности, стало ясно: он не простой немощный старик.

– Да... то есть нет, Кухулен-отэгэ, – затравленно забормотал проводник. Видно было, что он боится и старика, и своих чужеземных спутников.

– Ты что говоришь? – обернулся к нему один из чужеземцев. – Зенки залепило?

Этугей вжал голову в плечи и стал оттого похож на нахохлившегося облезлого воробья.

– Н-нет, все так, как в-вы сказали, господин, – невнятной скороговоркой промямлил он, косясь на старика, – видимо, выбрал, кого стоит бояться больше.

– Ну во-от, а я что говорю? – с удовольствием растягивая слова, проговорил чужеземец. Подмигнул второму, до странности на него похожему, и нагло уставился на старика. – Так что, видишь, старик, на нашей стороне правда. Так и быть, можешь вырезать себе печень – мы, ургаши, считаем ее употребление варварским, да еще как вы ее едите, сырой...

– А ты добрый, молодой господин, – усмехнулся старик, показал белые молодые зубы, – у вас в Ургахе все такие?

– Да ты еще дерзишь, пожиратель падали. – Второй незнакомец выхватил из-за пояса лук и сноровисто натянул тетиву. Наконечник стрелы смотрел прямо в лоб старику, однако тот даже бровью не повел. Этугей, однако, изо всех сил повис на руке незнакомца:

– Пожалуйста, не надо!

– Отвяжись, это не твое дело. – Возмущенный ургаш сшиб коротышку охорита с ног, его лицо перекошилось гневом.

– Господин, здесь живут горные охориты, они все колдуны! Прошу вас, не надо! – продолжал причитать Этугей, закрывая лицо рукавами, как испуганный ребенок. Впрочем, его слова не вызвали у его спутников благоговейного трепета.

– У нас в Ургахе такими закусывают! Прочь с дороги! – проревел второй ургаш, поворачиваясь к несчастному проводнику, посмевавшему усомниться в его могуществе. Он пнул охорита с презрительной гримасой, затем сорвал лук с плеча, демонстративно прицелился... и в растерянности опустил его: старик вместе со своей добычей... пропали, на том месте, где они только что были, остались только разостланная волокуша, следы и кровавая полоса.

– Я же говорил – колдун! – взвыл Этугей, огорченно тараща глаза. – Ой-е, пропала моя голова!

– Твоя голова куда в большей опасности прямо сейчас, – с угрозой сказал первый ургаш, тот, что завязал перепалку. – Не так ли, Унарипишти?

– Так, так, дорогой братец, – ухмыльнулся тот, явно забавляясь непритворным ужасом охорита. – Ты что же, варвар, не веришь нам?

– Верю, верю, – с усердием закивал тот. – В Ургахе все колдуны, надо хорошо служить...

– Вот-вот, почаще повторяй это, – приходя во все более веселое расположение духа, одобрил Унарипишти. – Глядишь, и выучишь. Так оно, Даушкиваси?

– А как же!

– А твоего плюгавого колдунишку мы достанем, как есть достанем! – подбоченясь, сказал Унарипишти. – Еще раньше, чем он нашего изюбра переварит.

– У-у-у-у! – Даушкиваси приложил к губам руку, протяжно завыл и завертелся на месте. – Видишь? Я послал твоему колдуну вдогонку злого духа. Он теперь не остановится, пока не найдет его и не сгрызет ему печень. Пропал твой колдун!

– Ой-е, пропал! – завороченно повторил Этугей, на всякий случай отодвигаясь подальше. – Великие вы колдуны, не губите маленького человека. Хорошо служить буду!

– Да ты со страху, гляди, штаны не обмочи, – засмеялся Даушкиваси. – Эх, заporоли нам такую добычу. Как придем к твоему вождю? Что скажем?

– Скажем, что изюбра убили, – с готовностью согласился Этугей. – Но, скажем, в этот момент напал на нас злой колдун, вот вы и вызвали себе на подмогу духов из Ургаха. А когда колдуна прогнали, пришлось им, духам то есть, за долгую дорогу ясык давать, дань то есть, по-вашему. Вот изюбра и забрали – в момент растерзали и с воем унесли по небу обратно в Ургах. У-у-у-у, ночи теперь не спать буду, какие страшные духи! – все больше воодушевлялся Этугей.

– Э-э, безродная твоя душа, да тебе сказочником-улугом быть, – изумился Унарипишти. – Но хорошо врешь, красиво, вдохновенно врешь, так, что и соврать не стыдно. Так и ври, да только смотри не заврись, чего лишнего не наболтай, не то мы тебя живо...

– Что я, безголовый совсем? – обиделся Этугей, поняв, что гроза миновала, и заулыбался. – Зачем мне самому на себя беду накликаю? Как известно, зашел в юрту – глупо рубить опорные колья, зашел разговор – глупо наживать себе врагов... Э-э, да что мы стоим, мерзнем тут! – Этугей хитро подмигнул. – Там, выше по ручью, знаю я, зимовье стоит – наш хулан, продли его годы Великое небо, здесь зимой на охоте останавливается. Там и запас еды есть, и дрова для розжига, – обогреемся, подкрепимся... А, высокородные?

– Дело говоришь, – степенно согласился Даушкиваси. – Веди, что ли...

– И впрямь дело, – согласился Унарипишти. – Да только смотри, плешивая твоя башка, ежели нам твоя землянка не понравится, на плечах нас обоих обратно понесешь!

– Понравится, понравится! – довольно резво переступая плетеными из лыка снегоступами, успокаивал Этугей. – Вы только, высокородные хуланы, выше поднимайте ноги, чтобы в снегоступы снегу не нагребать. И ступайте прямо в мой след – так меньше шанс провалиться, да и быстрее дело пойдет.

Под нескончаемое бормотание проводника оба чужеземца, то и дело оступаясь и оглашая воздух ругательствами на незнакомом языке, потихоньку удалились. Зимний лес поглотил их звуки, сменив торжественной тишиной. А немного ниже, за поворотом ручья, на излучину течением неторопливо вынесло тушу изюбра. Зацепившись за крупный валун, она застряла на мелководье. Через какое-то время недалеко от оставленной волокуши с шумом осыпался снег и лед, обнажив из-под намерзшей снежной корки песчаный обрывчик, куда, даже не замочив ног, и спрыгнул старый охотник, предварительно столкнув тушу в полынью. Сейчас он быстро вскарабкался на берег, свернул волокушу и потрусил вниз по течению. Там он подобрал свою добычу, погрузил на волокушу и, надсадно кряхтя под тяжестью ноши, поволок ее по кромке долины, где лес был реже. Над ним, наверху, в обе стороны расходилась узкая лощина, являя поросшие кедром и искривленными березами склоны. Где-то к полудню старик со своей ношей вывернул по руслу ручья на берег большой реки, куда вел ровный, занесенный снегом спуск по боку пологой сопки. Усевшись на волокушу и подцепив один ее конец на себя, чтобы не запорошило глаза, старик залихватски гикнул. И, как на салазках, съехал вместе со своим грузом с горы, подняв ворох сверкающей снежной пыли.

Река тоже еще не до конца замерзла, лед пока был некрепкий, коварный. Дальше старик побрел по кромке льда, аккуратно переступая снегоступами. Отсюда в розовой морозной дымке открывался изумительный вид на лежащую внизу долину, по которой, вырываясь на

плоский простор степи после горной теснины, широко, с островами, перекатами и старицами разливалась река Шикодан, как ее звали на языке охоритов. Там, внизу, еле различимые отсюда, виднелись стойбища и вокруг них – черная россыпь стад, пригнанных сюда, к предгорьям, на зимовье.

Охоритов было двенадцать родов – восемь степных и четыре оседлых. Кухулен был отэгэ горных охоритов, их избранным главой. Горные охориты в глазах степняков слыли колдунами, поддерживая, впрочем, свою славу разными уловками. На время зимних кочевий роды встречались, обменивались товарами и играли свадьбы, которые у других племен обычно приходились на весну или осень. Но горные охориты роднились только со степными, других племен не признавали, как, впрочем, и чьей-то власти над собой. Степные вожди могли гордо именовать себя хуланами и обставлять свое избрание большой пышностью, но по неписаному обычаю обязаны были почитать отэгэ, как сыновья – отца: горные охориты, как считалось, охраняют места священных предков, откуда вышли все роды.

Кухулен-отэгэ из рода Синей Шуки был избран родами много зим назад, когда его младший сын истоптал всего семь трав. Сейчас сыновья этого сына уже сосчитали по тридцать весен и осеней, и народились внуки, а старый охотник продолжал считаться лучшим среди горных охоритов, что само по себе было удивительно, учитывая, насколько они были хороши в этом искусстве, составлявшем основу их жизни. Он до сих пор ходил в одиночку на медведя и приносил домой шкуры росомахи – самого хитрого, злобного и опасного таежного зверя. Дом Кухулена, правда, ничем не напоминал жилище вождя – стоит себе на отшибе, на высоком взгорке у реки, бревенчатая юрта. Юрта как юрта, охориты – и горные, и степные – себе на зиму здесь везде такие строят. Иные постоянно живут, иные только зимуют, а летом в опустевших домах шалит ребяшня и находит укрытие мелкая степная живность, включая ядовитых щитомордников, которых потом еще поди выгони из облюбованного гнезда. Взрослые сыновья уже давно живут своим домом, дочери повыходили замуж, и живет Кухулен сейчас только с женой – седой Олэнэ, и мальчишкой из Щук, который осиротел после последнего мора да по обычаю ушел жить к старшему в роду.

Олэнэ, услышав, как хлопнул дверной войлочный полог, даже не повернула головы – рука, помешивающая стоящее на костре варево, и не дрогнула.

– Добыл? – спросила она, поворачивая голову. У нее были замечательные глаза – большие, темные и искристые, как глаза косули или оленихи. Когда-то Олэнэ была первой красавицей у степных охоритов, и Кухулену пришлось добывать невесту не сватовством, а увозом, а потом год батрачить у ее разъяренных родителей.

– Принес, – кряхтя скорее для виду, Кухулен принялся разматывать кожаные ленты, которыми горные охориты обматывали голенища сапог, чтобы не начерпать в них высокого снега. – Наткнулся на гостей нашего хулана, ургашей, о которых столько толков. Дурак человек – сам себе беду во двор впустил.

– Ты их видел? – Олэнэ живо повернулась к нему. – Какие они?

– Молодые. Глупые, – пожал плечами старик.

Олэнэ нетерпеливо дернула плечом, укутанным в шаль из подшерстка диких горных коз, – именно ту, что местные умелицы умеют связать так, что ее можно пропустить сквозь женское кольцо.

– Нет, какие внешне-то? Сильно на нас непохожи?

– Выше. Намного, с полторы пяди будет, – ответил Кухулен. – Волосы как шерсть на брюхе у марала. Глаза как у змеи. Кожа белая. А так – дурни дурнями. По лесу шли – всю дичь на предел слуха распугали. Чванятся. Еще к хулану буянить придут.

– Ну, ветер в спину, – усмехнулась Олэнэ. – Хулан-то степной, поди еще помнит, как ты его по-дедовски хворостиной учил.

– Да уж, было дело. – Кухулен тоже заулыбался. – У старшей нашей дочери все пятеро сыновей были большие озорники...

Хэчу, хулан степных охоритов, был человек скорее нерешительный. Нерешительность ему по большей части удавалось скрывать за вескими фразами, пронзительным взглядом и общим выражением степенного раздумья на бородатом, породистом лице с резко вырезанными ноздрями и крупным ртом. Но сам себе он в этом имел мужество признаваться. Как и в том, что это являлось основным источником его бед. Ведь как под вечно синим небом: нет абсолютно плохого, нет абсолютно хорошего, и ничего неизменного тоже нет, – воды текут, ветры выедают самый твердый камень. Так и с человеком – от любого его поступка, как круги на воде, расходятся волны событий. А что в них станет хорошим, а что худым, – разве человек знает? Думает одно, а небо распорядится куда как иначе. Так и с ним – мысли у него, Хэчу, разумные да добрые, а поступки частенько к противоположному приводят.

Вот, скажем, зачем приютил ургашей? Тогда, семнадцать зим назад их, двух беззащитных белоголовых мальчуганов, привезли к его порогу изможденные, оборванные люди, прошедшие страшный зимой перевал Косэчу, отделявший Ургах от охоритских кочевий... Понимал, что опасно? Да, понимал. Выгоду и опасность для всех племен охоритов взвешивал? Взвешивал, трезво. На какие-то блага от выросших мальчиков не рассчитывал. Тогда почему не умертвил их, пока слух по степям не разошелся? Не смог. Промедлил, пожалел. Добро бы еще приемыши оказались хоть чуть-чуть с ними схожи. Куда там – все равно что цапля среди воронов. И даже это ничего, – вырастая, приемыши становились все более неуправляемы и дерзки. Держать их в узде становилось все труднее. А что самое неприятное, молодые охориты, включая младшего брата Хэчу, ходили за самозванными князьями Ургаха как привязанные, наслушавшись довольно расхожих баек, которые те им наплели. И ведь как рты-то позатыкаешь? Хэчу казалось, надо подождать – перебесятся, а то и просто уберутся восвояси, оставят его в покое. Последнее время он не раз осторожно прощупывал намерения братьев – не пора ли. А те, в свою очередь, прощупывали его: а не даст ли он им воинов и снаряжения на возвращение им законных наследственных прав, которые они, будучи сыновьями невинно убиенного князя Ургаха Каваджмугли, намереваются вернуть себе в самом скором времени? Хэчу отвечал на все их осторожные кружения вокруг да около одним: идти малосильным не обученным войском против неприступного Ургаха самоубийство, да и объединенный совет племен на это никогда не согласится. А он, Хэчу, не хочет даже выносить на обсуждение вопрос, который поставит под сомнение разумность его собственного управления племенем. Братья мрачнели, раздували ноздри, говорили резкости, которые Хэчу списывал на горячий юношеский нрав. В конце концов, что ему могут сделать юные княжичи, не имеющие даже собственной юрты, – все, что у них есть, включая одежду на плечах, – милость его, Хэчу.

Охориты последние годы жили в мире с окрестными племенами, в чем была, по мнению Хэчу, большая его заслуга. Ему удавалось балансировать на грани, которая отделяет войну от каждой безобразной и бессмысленной склоки, в которую вечно ввязываются кочевые племена. То одни подкочевали первыми и заняли исконное становище других: хорошо, если кончится просто дракой, без смертей и сожженного имущества. То жена уйдет от мужа к родителям, жалуясь и плача, а тот, разъяренный, собрав родственников, мчится возвращать побитую сгоряча женщину... То поспорят из-за того, что кто-то будто бы наслал на скотину мор... Причин для вражды – сотни, а хулан один, иди разбирай. Умей кого улестить, кому пригрозить, кому пообещать, кого устыдить прилюдно... Это у Хэчу получалось хорошо – умел дело миром решить, за что его очень ценили. А вот поди ж ты, в собственном стане за порядком не уследил. Что-то вьется в воздухе, будто запах тления, и не разберешь, откуда

тянет, пока не разворошишь смрадную кучу. Чувствует Хэчу запах и понимает – уже опоздал...

Полог юрты просто-таки отлетел, когда к нему без спросу ворвались оба ургаша. Принялись жаловаться – чванно и многословно, то и дело поминая свои бессмысленные на этой земле титулы. И на кого – на Кухулен-отэгэ? Хэчу вдруг почувствовал, что весь налился злобой, до самой макушки. Долго же эти двое сосали из него кровь, демонское отродье! Пожалел, пригрел на груди упыреннейшей, а те и распоясались, скоро гляди – и им командовать станут. Пора показать нахальным юнцам, где кончается знаменитое охоритское гостеприимство, во имя которого он им жизнь сохранил. И Этугея приволокли – этот паскудник еще и врать смеет перед очами хулана!

– Эгэ! (Довольно!) – рявкнул хулан, услышав про колдуна и духов, да так рявкнул, что в соседних юртах людей от неожиданности подбросило. – Что ж, требуете справедливости – будет вам справедливость. Обвиняете Кухулена? Будет вам суд. Но уж запомните, слово на нашем суде таково, что его не переиначишь. Поняли ли, князья? – Он намеренно вложил в этот титул, который только что тут так часто повторяли, оскорбительный смысл. Братья, не ожидая от спокойного (мягкотелого, как они любили выражаться) хулана такой вспышки, в первый момент опешили. Этугей, воспользовавшись замешательством, стрелой вылетел из хуланской юрты – он-то сообразил, что ждать ничего хорошего не приходится, а потому, не заходя домой, удрал за сопку к своим своякам из рода Лисицы. Да и там, по слухам, несколько недель из юрты носа не казал.

Унарипишти, впрочем, нашел смелость сказать (правда, несколько сбавив тон), что они довольны решением хулана и будут ожидать в своей юрте. Хэчу, белый от бешенства, мерил шагами юрту. Его жена Аю из рода Куницы испуганно следила за ним, не решаясь сказать что-либо, – она тоже первый раз видела мужа в таком гневе, хотя женским своим чутьем и подозревала, что именно такие люди, спокойные, с виду сомневающиеся и медлительные, способны на такую вот слепую ярость, которая копится в них годами, не находя выхода, пока не случится что-нибудь подобное.

Аю была много моложе своего мужа. Его первая жена приходилась Аю сестрой и три года назад вместе с сыном умерла родами. По обычаю, жену следовало заменить девушкой того же рода. Аю, как и Хэчу, не слишком кто-то спрашивал. Но Хэчу оказался хорошим мужем – спокойным, ласковым, и Аю, поначалу плакавшая ночи напролет, не только смирилась, но и начала тревожиться за мужа, когда он уезжал в соседние племена разбирать очередную свару. Хорошим он был мужем и хорошим хуланом. А только не было в их отношениях чего-то, от чего сердце проваливается вниз и сладко ноет внизу живота. Зато стоило ей посмотреть на младшего брата Хэчу Дархана, весь мир вверх дном переворачивался. И вроде похожи братья – а вот так, и хоть в проруби утопись! Даже если под страшным секретом кому сказала – да кто бы ее, Аю, понял? Для всех родов Хэчу – самый лучший из всех людей, давно у них не было такого разумного, справедливого, некорыстного хулана, который бы так благодатно правил племенем... А она со своими шальными охами – и кого позорить? Аю оставалось втихую давиться слезами и прятаться, едва завидев брата мужа. А тот, как назло, словно ее преследовал – провожал жгущим, тяжелым, пристальным взглядом, норovil в неожиданный момент оказаться за спиной, что-то сказать такое, с двойным смыслом, из-за чего становилось страшно и сладко. Последний раз вот подловил, когда колотила войлоки на свежем снегу, поймал за локоть, повернул к себе:

– Хорошо ли ты чистишь ковры в юрте моего брата, Аю? – спросил.

– А ты своего брата спроси, не меня, – резко ответила Аю, стыдась того, что вспыхнула, как девчонка, от его прикосновения, и торопливо освободилась.

– А вот скажи, Аю, – растягивая слова, спросил Дархан, – от чего твое старание зависит? От того, что это юрта моего брата Хэчу, или от того что он хулан всех степных родов? Был бы я хуланом, ты бы тоже так стала стараться, Аю?

– Что за глупости ты говоришь, – возмутилась Аю, внезапно испугавшись его жадного, настойчивого тона.

– Нет, ты ответь мне, Аю, – со странным блеском в глазах настаивал тот. – Так же?

– Ты возьми свою жену, да сравни, – ожесточенно сказала Аю, – может, она окажется лучше.

– Нет никого лучше тебя, Аю, – неожиданно, с хрипотцой сказал Дархан, и по позвоночнику ее прокатилась волна, подогнулись колени. – Так что, стала бы?

– Стала, стала, стала! – потеряв терпение, закричала она ему в лицо и бросилась обратно к юрте. Однако он схватил женщину за руку и не удержавшись, она упала в снег.

– А все остальное? Остальное – стала бы? – Он тоже почти кричал, лицо стало бешеным.

– Прекрати! – Она загребла рукой полный ворох снега и взметнула ему в лицо. – Прекрати, не то скажу Хэчу...

Его лицо оказалось полностью запорошенным, какой-то жутковатой белой маской, какой рисуют в воображении снежных горных демонов удырджу. Потом он неторопливо отер лицо, загадочно улыбнулся.

– Не скажешь, – отчетливо и уверенно проговорил он. – Ты ведь не скажешь ему, Аю?

...И вот теперь Аю с болезненным чувством вины ощущала, как что-то такое в воздухе происходит... Будто скользит Хэчу по тонкому льду, а она знает, что подо льдом бездонная пропасть, но не смеет сказать. И как посмечь, когда улыбнется на все ее сбивчивые слова Хэчу и скажет так, как говорит не поделившим добычу охотникам:

– Ну разве это повод желать человеку зла? Мир и без того огромен и тяжел, в нем и без нас зла больше, чем блох на больной суке. Давай лучше решим: пустое это, и зло отпустим – пусть к кому другому пристаёт, ты же знаешь: зло с бедой рука об руку ходит.

Вот такой он, ее Хэчу. А она – порченная, порченная, порченная! Аю закусила кулак, зажмурилась, чтобы не заплакать от боли. Хэчу, напротив, усмотрел в жесте жены другое, опустился на корточки, погладил узкие плечи:

– Извини, что напугал тебя, Аю, – мягко сказал он. – Я и сам от себя не ожидал, признаюсь. Говорят, больше всего человека из себя выводит то, что является отражением его собственной вины. Мудро говорят. Виноват я, Аю: приютил ургашей, не дал убить. А теперь, когда из щенков выросли волки, и кусают меня, не знаю, как быть... Понимаешь меня, Аю?

Аю кивнула, хотя ее мысли были заняты совсем не этим. Хэчу улыбнулся, опять истолковал все по-своему и прижал к плечу голову жены:

– Молчаливая ты у меня, Аю. Улыбаешься редко, больше грустишь все. Но я сделаю так, чтобы ты улыбалась чаще, Аю... Вот спроважу куда подальше этих ургашей, и мы с тобой заживем, – вот увидишь, как хорошо заживем, Аю...

Объединенный совет охоритов, созданный неожиданно хуланом Хэчу, всех изрядно переполошил. Хотя и ставили юрты меньше чем в пешем переходе друг от друга – только чтобы дать свободно пастись стадам, – но все уже было погрузились в свои домашние хлопоты. А тут на тебе: то ли война грядет, то ли еще что случилось. Нечасто хулан Хэчу собирает внеочередной совет, а до обычного, весеннего, еще ой как далеко. По становищам неслись пересуды одна другой несусветнее. Но прибыли все – уважение к хулану было велико.

Еще на рассвете Хэчу вместе с шаманом степных охоритов очертили палками широкий круг и зажгли в его середине большой костер, в который шаман добавил каких-то своих порошков, отчего дым стал золотисто-рыжего цвета – издалека видать, что не просто костер

горит. Аю вынесла из юры стопки войлоков, воткнула в снег шест с навязанными лисьими хвостами – оберег рода. Увидев приготовления, начали собираться и просто зрители – женщины, дети. Не смея зайти на очерченную черту, они тем не менее не уходили, нетерпеливо переступали мерзнувшими ногами.

К полудню главы двенадцати родов прибыли. Прибыл и Кухулен, заранее им извещенный. Сейчас старик сидел в юрте хулана, ожидая, пока все окончательно не рассядутся по своим местам, – не пристало отцу-отэгэ кого-то ожидать на морозе. Они с хуланом Хэчу вместе вышли из юрты и неторопливо прошествовали к отведенным им почетным местам.

Шаман трижды ударил в бубен, и разговоры потихоньку стихли. Хэчу поднялся, отыскал глазами ургашей, которые, будучи чужаками, стояли за пределами очерченного кольца. Холодно кивнув им, Хэчу поднял руку.

– Мои уважаемые гости, хуланы, – начал он своим тягучим красивым голосом. – Вчера пришли ко мне вот эти люди, – он показал на ургашей, – и принесли мне печаль на сердце, потому что принесли они мне жалобу не на кого-нибудь, а на Кухулена-отэгэ.

По рядам собравшихся прошел возмущенный гул. Кухулен-отэгэ был известным и уважаемым человеком не только среди охоритов – его знали за пределами его горных владений по всей степи. Даже свирепые джунгары ежегодно присылали к Кухулену свои дары из уважения к его мудрости. Поговаривали, что он приходится побратимом самому Темрику – свирепому хану джунгаров.

Хэчу подождал, снова поднял руку и продолжил:

– Ургашские гости, – он намеренно сделал паузу, – показали мне, что Кухулен-отэгэ колдовством отнял у них законную добычу.

– Это ложь! Как ты можешь верить этому, Хэчу! – крикнул хулан Томпо, младший сын Кухулена. От обиды за отца у него встопорщились короткие жесткие усики.

– Я не сказал, что верю этому, – спокойно возразил Хэчу. – Но ургашские гости – мои воспитанники, а Кухулен-отэгэ – мой дед. Я могу быть пристрастен в этом деле. Поэтому я собрал вас и прошу вас, хуланов, вынести решение по этому вопросу.

– Что тут решать? Гнать вшаей ургашей! – крикнул кто-то из задних рядов.

Унарипишти и Даушкиваси, услышав это, дернулись, явно не ожидая такого поворота событий.

– Думаю, решение стоит принять завтра, чтобы каждый из вас мог хорошо подумать и обсудить свое решение со своим родом, – рассудительно сказал Хэчу.

– Сегодня! Мы примем решение сегодня! – загудели голоса прибывших. Еще чего – таскаться по степи туда-обратно, когда все и так ясно: гнать ургашей, Хэчу и так слишком добр к ним!

– Как решит Совет. – Хэчу примирительно заулыбался. – Однако я предлагаю всем вам сначала отведать скромное угощение, приготовленное моей женой Аю, – он с любовью оглянулся на женщину, застывшую у входа в юрту, – а уж ближе к вечеру мы выслушаем обе стороны и решим, нужно ли нам будет еще время или нет.

– Дело, дело! – закивали головами хуланы. Все-таки умеет Хэчу погасить конфликт в самом его зародыше. Вот так, посидят, поболтают, пообсудят поподробнее об обстоятельствах... и никто не упрекнет Хэчу, что он на кого-то оказал давление или кого-то не уважил. Сами примут решение.

Несколько разочарованные зрители принялись расходиться: начало обещало быть таким заманчивым... но, может, к вечеру станет интересней? Хуланы один за другим входили в юрту, кланялись деревянным онгонам – духам предков, и рассаживались в круг. Аю обнесла всех чашками с крепкой настойкой на кедраче и поставила в центр юрты большое блюдо с вареным мясом и рисом, который в осень привезли и обменяли на меха на Пупе

у куаньлинских торговцев. Приправленное травами и диким луком, диковинное блюдо оказалось куда как хорошо. Нахваливая хозяйку, хуланы аккуратно захватывали щепоть риса, подбирали его поданными лепешками и отправляли в рот. Куски мяса тоже брали пальцами, разгрызая кости крепкими зубами и смачно высасывая мозговую мякоть. Кости, которые гости бросали в широкую глиняную чашу, позже отдадут собакам.

Есть надлежало в молчании, из уважения к духам, пославшим эту пищу хозяевам. По мере того как гости насыщались, Хэчу сделал жене незаметный знак рукой, и она вышла: женщине не след слушать разговоры мужчин за чаркой, хозяин сам разольет гостям архи.

Аю с вечера договорилась со своей соседкой, что побудет это время у нее. Да только что-то беспокойно трепыхалось у нее внутри, и вместо этого она медленно побрела к реке, под защиту запорошенного снегом ивняка – ей почему-то не хотелось, чтобы ее кто-то видел.

Пришла, опустила пальцы в холодную воду и держала, пока они совсем не занемели. Вот так бы опустить в воду свое сердце и держать, пока совсем не застынет, отрешенно подумала она.

Обернулась, каким-то звериным чутьем узнав, угадав чужое присутствие. Дархан подошел совершенно бесшумно и теперь стоял прямо у нее за спиной. От неожиданности Аю резко вскочила, потеряла равновесие и упала бы в холодную воду, если бы сильные горячие пальцы Дархана не сжали ее запястье.

– Что же ты грустишь здесь одна, жена моего брата Хэчу? – спросил ее Дархан, и его глаза жгли ее, как угли. – Или брат недоволен тем, как ты подала чарки его гостям?

– Оставь меня, прошу тебя! – взмолилась Аю. Ей бы и убежать, да Дархан загораживал тропинку. И не обойти его – в глубоком снегу завязнешь, а сзади река.

– Не могу, Аю, – почти простонал Дархан. – Видят предки, не могу!

Его руки охватили ее, притянули к себе, жадные губы нашли ее губы. В ушах зазвенело, дрожащие губы Аю покорно раскрылись ему навстречу... Почувствовав, как она откликнулась, Дархан впился в нее яростным поцелуем, его пальцы рвали с нее одежду, добираясь до кожи и обжигая, обжигая... Задышавшись, наполовину обезумев, Аю вырвалась и вскрикнула в ужасе:

– Что ты делаешь? Увидят ведь – опозоришь!

– А ты знаешь что, Аю? – тяжело дыша, Дархан отпустил ее и до хруста сжал руки в кулаки. – Будь у тебя выбор, кого из нас ты бы выбрала, скажи?

– Зачем тебе это знать? – горько ответила Аю. – Ведь все уже так, как оно есть, и никогда не будет иначе.

– Нет, ты скажи мне, Аю. – Блеск в глазах Дархана был почти бешеным.

Слезы наполнили глаза Аю, скатились по щекам, лицо исказилось.

– Зачем ты нас обоих мучаешь? – выкрикнула она. – За что?

– Ответь мне, Аю. – Голос Дархана был почти ласковым. – Я просто хочу знать.

– Тебя, – еле слышно выдохнула Аю. – Я бы выбрала тебя.

Вот и все. Она сказала это. Опозорила себя. И Дархан, вопреки тому, что она, несмотря ни на что, ожидала, не бросился к ней, не прикрыл лицо страстными поцелуями.

– А ты знаешь, все еще можно изменить, Аю, – вдруг сказал Дархан. – Все еще можно изменить.

– О чем ты? – Аю так удивилась, что даже перестала плакать. А Дархан вдруг жестко улыбнулся, повернулся и ушел, оставив ее на пустом берегу.

Она посидела еще у реки, чтобы успокоиться. Слезы высохли, но покрасневшие глаза и припухшие губы еще выдавали ее. Вот она и умылась несколько раз холодной водой, прошла по берегу дальше, почти к изножию сопки, долго смотрела на покрытые снегом горы. Торжественная тишина вернула ей равновесие. Дархан никому ничего не скажет, а скажет – что с того? Где свидетели? Она еще своему мужу не изменила. Она, Аю, с этого дня про-

сто не будет никуда из юрты одна выходить. И все тут. Глядишь, Дархан и перестанет ее преследовать.

Успокоив себя таким образом, Аю повеселела. Потом глянула на солнце, уже коснувшееся земли, и заторопилась обратно: в ранних зимних сумерках одинокой безоружной женщине и здесь в одиночку ходить не след, зверь иногда совсем близко к селищу подходит...

Вернувшись, она зашла все же к соседке и села с ней прясть. Прясть Аю умела очень хорошо, и ее это всегда успокаивало: кудель тянется, свивается в нитку, будто сама скользит между пальцами. И думается в этот момент о чем-то простом и уютном – о долгих зимних вечерах за тихим сумерничанием женщин, о мерцающих в полутьме угольках и сказках, которые рассказывают детям на ночь, убаюкивая... Аю незаметно начала напевать себе под нос какую-то песенку без слов.

Хозяин юрты вошел, резко откинув полог. Обе женщины подняли на него глаза и, увидев выражение его лица, замерли. Аю знала его давно, они были одного рода. И если Оху сейчас так смотрит на нее, то что-то стряслось.

– Что случилось, Оху? – стараясь казаться спокойной, спросила она.

– Хулану стало плохо прямо на пиру, – сказал Оху отрывисто. – Он посинел, схватил себя за горло и принялся кататься по земле, словно его кто душит. А потом обеспамятел. Совет прервали. Сейчас с ним шаман.

– Что? – Глаза Аю округлились, она уронила прялку. – С ним же было все хорошо еще днем!

– Я сам не видел, мне так сказали, – буркнул Оху. – Тебе надо пойти туда.

Аю, конечно, в этом совете не нуждалась: она, даже забыв набросить верхнюю одежду, простоволосой выскочила из юрты и побежала к себе. Внутри нее ныло что-то очень похожее на вину: в то время как она целовалась с братом мужа, он... его...

В их большой юрте все было перевернуто вверх дном. Озабоченные люди сгрудились вокруг мужской половины, а некоторые откинули войлоки и зашли на ее женскую – не до соблюдения приличий. Завидев Аю, ее испуганные глаза и непокрытую голову, мужчины только молча расступались.

Хэчу лежал навзничь, его глаза закатились, на всем лице выступила странная, обильная, как роса, испарина. Черты лица заострились, и в этот момент он вдруг стал страшно похож на Дархана. Аю издала какой-то сдавленный крик и вцепилась зубами в рукав, чтобы не закричать. Шаман остро глянул на женщину и молча показал ей на место рядом с собой. Он уже обложил хулана амулетами и напоил отваром. Сейчас он поручил Аю обтирать мужа травяным отваром и принялся бормотать заклинания. В юрте, где было столько людей, воцарилась тяжелая, жутковатая тишина, прерываемая только всхлипывающим дыханием больного.

Вдруг дыхание Хэчу прервалось, он сделал судорожный вдох и замер. Забыв обо всем, Аю закричала, забилась, затрясла его плечи. Хэчу открыл глаза, посмотрел на нее долгим взглядом. Потом слабо улыбнулся, и жизнь ушла из его глаз.

– Слишком поздно, – тихо сказал шаман, опускаясь на корточки. – Слишком поздно.

– Поздно – для чего? – сквозь рыдания выговорила Аю.

– Яд подействовал слишком быстро, – отчетливо сказал шаман.

Аю подняла голову и уставилась на него сквозь пелену слез.

– Кто-то убил Хэчу? – Ее голос прервался неверящим всхлипом.

– Сомнений не может быть. Это яд, – жестко ответил шаман.

У Аю все поплыло перед глазами. Сквозь туман она увидела склонившееся над ней лицо Дархана, его голос:

– Дайте вынести ее на воздух. Освободите юрту! Я полагаю, что решение по столь малозначимому вопросу приму сам, так как у меня нет причин считать себя пристрастным.

Прошу извинений у высокородных гостей, но сейчас для нас главное – найти убийцу и похоронить брата достойно. И позаботиться о вдове.

– Не... не надо так. – Аю попыталась воспротивиться, но туман уносил ее куда-то далеко-далеко, и Хэчу сквозь туман улыбался ей. Прощая.

О поводе для совета все и думать забыли. Неожданная смерть хулана Хэчу была серьезным событием. А обстоятельства этой смерти были куда какими странными. Довольно быстро установили, что хулан был отравлен чашей с айраном, которую кто-то поднес ему во время пира. Как всегда бывает, когда собирается вместе много людей, точно понять, кто именно, было невозможно, тем более что яд подействовал не сразу, а выпито и съедено было немало. На пиру были главы всех степных родов, брат и жена хулана. Подозревать кого-либо из них было немыслимо.

Ургаши, на которых и хотелось бы свалить вину, как назло, были абсолютно вне подозрений: они на глазах половины поселка весь этот день развлекались ургашской игрой в бабки, и вблизи юрты Хэчу их ни один человек не видел.

Нет ничего хуже того, чтобы подозревать в злом деле уважаемых людей, когда нельзя определить это точно. Но хулан был отравлен. Над становищами охоритов повисла вязкая, виноватая тишина, люди стали реже улыбаться и чаще говорить на малозначимые темы, отводя глаза: у всех на уме был один и тот же вопрос, каждый имел свою мысль и боялся высказать обвинение.

Аю голосила по мужу так, что слышно было на все становище. Растрепанная, жалкая, она днем и ночью сидела возле мертвого мужа, будто все еще надеялась, что хулан откроет глаза. «Надо же, а казалось, что они живут без особенной любви», – шептались удивленные всевидящие кумушки.

Дархан умело и незаметно взял в руки бразды правления. Переговорил с Кухуленом, и старик, пусть и недовольный, уехал, не стал затевать склоку в такой момент.

В день похорон, на рассвете, неожиданно уехали и ургаши. На поминальном пиру Дархан объяснил, что вынес свое решение по данному вопросу: ургаши выплачивают Кухулену плату мехами за оскорбление и на какое-то время покидают становище. По словам Дархана, они направились к ичелугам и вернутся к весне, если захотят.

Решение Дархана было и мудрым, и своевременным. Сейчас намного важнее было найти убийцу, потому что убийца был одним из них, и это не давало покоя никому.

Похороны прошли в мрачной, торжественной тишине. Хуланов, умерших летом, сразу хоронили в курганах. Тех же, кого смерть застала в холодное время года, заворачивали в шкуры, колотили деревянный гроб и отвозили на волокушах в приметную пещеру в горах в полудне пешего хода. Там шаман проводил все необходимые обряды, и покойник оставался в пещере до тех пор, пока родственники не приготовят ему курган, достойный его погребения.

По обычаю, гроб с телом провожали до реки, а дальше двое помощников шамана, по пути непрерывно бормоча заклинания, домчат хулана до пещеры. Последующие три дня с ним проведет шаман, чтобы всех предков и всех духов задобрить, попросить принять Хэчу, и всем им рассказать, насколько хорошим был умерший хулан и как его любят все здесь, в срединном мире.

Поминки длились неприлично мало, и никто не был даже хоть сколько-нибудь пьян, хотя обычно это случалось часто, иногда доходя и до драки. Но сейчас был особенный случай: хулана отравили, и отравитель был среди них. И за ним надлежало следить. Атмосфера в юрте была так густо пропитана подозрением, что ее можно было резать ножом. Главы степных родов поглядывали на горных, а горные – на степных. Зыркали глазами, бросали фразы с двойным дном. Запоминали выражение лиц. Припоминали старые обиды – оказа-

лось, они вовсе не были улажены навсегда, а всего лишь осели на дно души, зарылись в ил, будто старые сомы, и теперь поднимались оттуда, глухо ворочаясь.

Дархан, как хозяин и как хулан, изо всех сил старался что-то поправить, направить разговор в прежнее, безмятежное русло. Он говорил больше всех, и все о своем брате, в каждой истории подчеркивая его ум, рассудительность и справедливость. Остальные хулань кивали головой, поддакивали, но разговор никто не подхватывал, слова обрывались, будто ветхая веревка в руках.

Еле досидев приличествующий срок до заката, хулань один за другим начали уходить – атмосфера и вправду была невыносимой. Наконец в юрте остались только шаман Эгэху, сам Дархан и Аю, молчаливо возившаяся в своем углу. Ее судьба тоже была уже решена: по обычаю, вдова переходила к брату мужа. Пусть у Дархана уже была еще одна жена, но в таких случаях это позволялось. При этом каждая из них будет жить в своей юрте, а муж будет обязан оделять равным вниманием обеих.

– Тяжко мне, – после долгого молчания сказал Дархан, растирая пятерней грудь. – Тяжко мне без брата моего Хэчу...

– Духи молчат об убийце, – покачал головой шаман. – Видно, есть на то своя причина...

– Но так продолжаться не может. – Дархан кивнул головой на дверь. – Уже все друг друга подозревают, Бугухай и Олбо всюду друг на друга валят, Шалдой уже открыто меня обвиняет...

– Да, в любой момент свара может вспыхнуть. – Шаман засунул в рот трубку из можжевелевого корня и выпустил в воздух клуб голубоватого дыма. У него сильно выступали передние зубы, и это придавало ему сходство с большой выдрой. Тонкие косички на бугристой, с изрядными проплешинами голове мелко подрагивали.

– Да прости мне мою неразумность, мудрый Эхэгу, – доверительно нагнувшись, чтобы не услышала даже Аю, прошептал Дархан. – А прекратить все пересуды надо. Потому что сейчас убийца затаился и ведет себя осторожно, не выдает себя. Пока на него может пасть подозрение, он и будет себя так вести. Значит, надо навести всех на ложный след.

Шаман поднял брови.

– И что же ты предлагаешь, хулан? – спросил он не без яда в голосе.

– Я предлагаю объявить, что брата моего Хэчу отравил злой дух, – глядя шаману прямо в глаза, заявил Дархан, – и именно потому мы не можем его найти, потому что он прошел невидимым, втерся между нами.

– Ты предлагаешь солгать шаману племени? – переспросил шаман, поджимая губы.

– Предлагаю. – Дархан тряхнул головой. – Но намерения у меня самые что ни на есть благие. Я предлагаю тебе солгать временно, выждать, когда убийца проявит себя, а затем все рассказать Совету. И готов подтвердить, что это я склонил тебя к своему плану. Только вот больше никому рассказывать нельзя: где больше двух пар ушей, там нет тайны.

– Неплохо придумано, хулан. – Шаман продолжал кривиться. – Да только мне потом придется ложь на ложь громоздить, искать этого несуществующего духа и кто его наслал. А шаманам лгать наш кодекс запрещает настрого.

– Есть ложь ради корысти и ложь ради спасения, – с готовностью согласился Дархан. – Духи – они такие вещи видят, все поймут. А там, глядишь, и найдем убийцу. А мы его обязательно найдем. Я, брат Хэчу, клянусь тебе духами предков, что однажды приду к тебе с именем убийцы на устах.

– Смотри, не шути с такой клятвой. – Шаман медленно кивнул. – Не нравится мне это. Но ты прав. Не отведем мы подозрения от порога – еще до весны все роды передерутся. И конец спокойной жизни племен.

Дархан только кивал, тянул к костру смуглые пальцы. Какое-то время оба молча смотрели в огонь.

– Я еще согласия не даю, – ворчливо сказал Эгэху, поднимаясь и беря посох. – Вот провожу хулана к предкам, буду камлать еще... Тогда и скажу.

– Это мудро, – согласился Дархан. – Я буду ждать.

Шаман вышел, впустив в юрту рой мелких, сразу растаявших снежинок. Дархан еще какое-то время посидел, потягивая настой брусничного листа и слушая, как вдалеке лают собаки, скрипит снег под ногами женщины, спешащей к своей юрте. Наконец Дархан встал, потянулся и сбросил свой халат. Отстегнул пояс. С женской половины уже давно не раздавалось ни звука.

– Иди сюда, жена моя Аю, – мягко позвал он. – Помоги мне снять сапоги.

Глава 2. Первая битва

Тэрэиты все-таки напали. Перешли по еще не стаявшему льду речку Ши́ра, пересекли беспрепятственно земли мегрелов и напали на одно из стойбищ северной ветви племени – горган-джунгаров. Пожгли юрты, захватили табун и два десятка молодых женщин увели. Остальных – стариков, маленьких детей и воинов – убили.

Черный вестник прилетел в ставку хана, загоняя коня. Горган-джунгары, собрав четыре сотни воинов и не дожидаясь ханского вестника, сами выступили, лавиной прокатились по землям мегрелов.

Нехорошо. Темрик, будучи ханом, должен был сам отдать такой приказ. Но после смерти военного вождя – да еще какой смерти, смерти предателя! – многие посчитали, что теперь и сами разберутся. Темрик кричал, дергал себя за вислый ус и думал.

Буха, второй зять Темрика, после того что случилось с Тулуем, ходил тише воды. Темрик знал, что тот был заодно с вождем, когда замыслили его, хана, убийство. И Буха знал, что Темрик знает.

Да только из четверых сыновей и двух дочерей осталась у Темрика одна дочь – Журчэн. О второй – жене Тулуя, жене предателя, – по приказу самого Темрика и говорить запрещалось. Ее могила одиноко стояла в степи – груда камней с воткнутым шестом с обвязкой конского волоса. Темрик ходил туда иногда, когда никто не видел. Молча перебирал запорошенные снегом камни, гладил, словно на них проступало мертвое лицо дочери. Может быть, говорил с ней о чем-то – да только она не отвечала. Он сам сделал это с ней.

Приезд черного всадника – их так называли из-за черной войлочной ленты, которую те приносили на древке копья, чтобы еще издали дать знать, что с ними идут дурные вести, – переполошил притихшее после последних событий становище. Да и на излете зимы все становятся какими-то вялыми. Темрик вызвал шамана и долго толковал с ним.

Потом позвал Буху, обоих свояков – Кимчи и Белгудэя. Когда они закончили, Онхотой, шаман, зарезал белую овцу, насадил ее голову перед ханской юртой и покрыл лицо белыми полосами – цветом войны и смерти. Известили итаган-джунгаров, и войско выдвинулось на север.

Время было неподходящее. Лошади отощали. В степи в эту пору гуляли пронзительные ветра, первые оттепели покрыли ее ломким настом, который резал коням ноги в кровь. Но нападений на земли джунгаров не случалось уже давно и такое могло означать только одно – окрепшие тэрэиты пробуют зубы. И зубы эти следовало повыбивать, пока они не сомкнулись у них на горле.

Илуге был среди тех, кого Темрик включил в передовую сотню. Он даже хорошо себе представлял, как хан, скупно усмехаясь, говорит ему: «Если тебе угрожает смерть – ты победишь, беловолосый чужак, просивший Крова и Крови». Он уже так говорил ему однажды, поручая невыполнимое.

Свои светлые волосы, столь отличавшие его от окружающих, Илуге перед походом сбрил. Во-первых, так поступали многие воины из чистого удобства – чтобы не за что было ухватить в бою и чтобы не притягивать некоторых из тех, кто любит прибивать у входа в юрту клоки кожи и волос с головы убитых им воинов. Во-вторых, чтобы не так бросаться в глаза, хотя ставшая за эту зиму жесткой, требующей бритья золотистая борода все равно его выдавала. В-третьих, так он выглядел старше.

Его узкое, горбоносое не улыбочливое лицо и раньше-то всегда вводило в заблуждение окружающих, а теперь-то уж и подавно: не приглядываясь, Илуге вполне можно было принять за человека, пережившего тридцать зим. «Глаза у тебя, точно у древнего старика. Иногда так глянешь, что мороз по коже дерет», – как-то сказал ему Баргузен.

Впрочем, теперь он не только выглядел – он стал взрослым. После всего, что произошло с ним за эту осень и зиму, следом за чередой не слишком счастливых и не слишком богатых событиями зим. Словно снежный ком, что катится, набирая вес, а потом вдруг, столкнувшись с преградой, взрывается веером сверкающих искр. Жизнь стала другой, и он стал другим тоже.

Когда они жили у косхов, в глазах окружающих он был просто рабом – слишком высоким, чтобы его бить по любому поводу, и слишком спокойным, чтобы самому напрашиваться на плети. От спокойных людей обычно не ожидают сумасшедших поступков. Он, Илуге, совершил такой поступок, и за ним, как за камушком, падающим с вершины горы, потекла река событий, которая сделала его тем, кем сделала: джунгарским воином, победителем Тулуя, а затем – еще и спасителем хана. А потом еще героем – победителем последних скачек.

Незамужние джунгарки теперь напропалую стреляли в него глазами и вовсе не считали зазорным сами окликать его, чтобы подойти поболтать. Многие молодые воины теперь запросто заходили к нему в юрту, чтобы позвать пострелять зайца или размять коней на дальнем выпасе. Онхотой привечал сестру, исправно приносившую ему молоко и масло согласно давнему уговору, и иногда ронял скупые, тяжелые и ценные, как золото, фразы, предназначенные – ему. На столе у них, всех троих, теперь всегда была еда, а младшие братья Нарьяны смотрели на него с обожанием: они и их сестра с недавних пор тоже были избавлены от презрительного отчуждения, которым окружило их племя из-за отношения Тулуя. Даже шрам от его плети, рассекший девушке щеку, был теперь для многих чем-то вроде напоминания об их собственной слепоте и жестокости.

Теперь Илуге понял, что хотел ему сказать Онхотой, Хэсэтэ Боо, самый могущественный из шаманов к западу от Уйгуль. О вере в себя, и том, как она приходит. Потому что вера в себя приходит, отражаясь в восхищенных и ждущих чуда глазах других людей. Это он теперь знал твердо, и эта вера поднимала его за границы самого себя.

Поэтому назначение в передовую сотню Илуге принял с улыбкой, хоть и ни разу еще не бывал в настоящем бою. Но у него было время для тренировочных боев вместе с остальными, и, судя по количеству выигранных схваток, схватывал он быстро. И еще – учитель. Такой, какого ни у кого нет и быть не может. Потому что его учитель – это одна из его теней, та, что невидима глазу и лежит всегда слева от него. Та, которой он принесен в жертву.

Ягут, кхонгский кузнец с широкими, вечно черными и твердыми, словно лошадиное копыто, ладонями и угрюмым взглядом, сам позвал его выбрать себе оружие. Отчего горбун оказал ему такую честь, какую не выказывал и опытным воинам, с которыми он прожил бок о бок не один год, оставалось только гадать. Он как-то попытался спросить у Нарьяны, в одну из их всегда столь коротких ночей, но она только хмыкнула в темноте. Наверное, есть причины.

В юрте кузнеца он замер от смеси робости и восторга. Ему хотелось погладить, пощуповать на ощупь каждый из великолепных мечей, узорчатых ножей, величественных топоров и тяжелых секир. Ягут сам вложил ему в руки двойную секиру с травленным затейливым орнаментом:

– Ковал по себе, – прогудел он, оглядывая Илуге, который был одним из немногих, кто мог поглядеть прямо в глаза могучему горбуну. – Многим она не по зубам.

Илуге взял секиру в руку и почувствовал смутное, щекочущее ощущение узнавания – словно бы до этого он уже держал такое оружие в руке. Или это ощущение всегда возникает, когда что-то сделано настоящим мастером своего дела? Секира лежала в ладони так, будто была сделана специально по ней. Пожалуй, она была для него даже тяжеловата, но он бы скорее умер, чем признался в этом кузнецу после его слов. Рукоять из кости украшена сетчатым рифленным узором – не столько для красоты, сколько для того, чтобы не скользить во

влажной от крови или пота руке. Кхонгский кузнец знал об оружии все... или почти все. На меч, вынесенный им из кургана Орхоя Великого (который и сам вышел из кургана следом за своей жертвой), глянул одобрительно, покачал в руке, погладил с неожиданной для такого угрюмца нежностью.

– Хорошая работа, старая. – Черный заскорузлый палец повторил узоры, проступающие на синеватом клинке. – Небесного железа клинок, такой только большие вожди имели. Откуда он у тебя?

– Достался, – коротко оборвал Илуге.

Когда надо, он мог поспорить с кузнецом неразговорчивостью, и тот только плечами пожал. Кроме секиры, кузнец дал ему копье и полный колчан прорезных стрел с белым древком и оперением из лебединых перьев. Многие другие племена делали оперение из каких придется, но джунгарские белые стрелы должны были напоминать о том, что несут тем, в кого выпущены. Смерть.

Они ехали по неудобной, безжизненной, замершей в нетерпеливом ожидании весны степи десять дней, до новой луны. Тысяча воинов. Командовать ими Темрик назначил Джэгэ. Скрепя сердце назначил, надо полагать. Парень явно был еще для этого слишком юн, и вся надежда была только на более опытных советчиков. Однако удивления это ни у кого не вызвало: Джэгэ – наследник, и пришло время ему себя показать.

Горган-джунгары приняли их с должным почтением, но не слишком ласково. В конце концов, на последних скачках они рассчитывали на победу своего буланого жеребца, и победа эта, следует сказать, была почти у них за пазухой. Многие из них узнали Илуге, отнявшего у них эту победу, и оглядывали его неприветливо.

Командовать передовой сотней Темрик поставил Кимчи – брата жены своего первенца, дядю своего наследника и внука Джэгэ. Кимчи был худ и горяч. Он очень злился оттого, что хан ему доверил какую-то жалкую сотню, пусть и передовую. Второй свояк, Белгудэй, был много спокойней и командовал рукой – пятью сотнями, Буха – оставшимися четырьмя. Почему так назначили Буху, тоже понятно: потому что рядом с ним везде скакал сын Тулуя и Ахат, внук Темрика Чиркен – ловкий парень с красивым смуглым лицом, до боли похожим на самого хана. Ему исполнилось пятнадцать, и этой осенью он был посвящен в воины, его волосы завязали воинским узлом. Буха – это было понятно всем – был ненавязчиво приставлен к нему ханом, потому что после смерти отца и матери и обрушившимся на него с этой смертью позором, парень вспыхивал по любому поводу, за каждой фразой находя завуалированное оскорбление.

Через два дня подошли итаган-джунгары – две руки воинов. Войско встало вдоль небольшой речки Ширы, вытекающей из озера Итаган на юге и впадающей на севере в могучую Горган-Ох – границу Великой степи. Дальше лежали земли трусливых мегрелов, пропустивших тэрэитов на их земли.

Вместе с Илуге в передовой сотне оказались Чонраг и Унда. Последний, как выяснилось, сам напросился – хан не хотел отпускать своего немолодого уже конюха, но Унда только ухмылялся:

– Хочу посмотреть, как засверкают мегрельские пятки. Из-за ваших спин, поди, не видно будет!

– Ты, главное, кроме как смотреть успевай, – зубоскалил в ответ Чонраг. Эти двое как-то сами собой прибились к Илуге, несмотря на разницу в возрасте. Чонраг был, пожалуй, чересчур медлителен, отчего его многие считали туповатым. Однако силушкой его предки не обидели, и Илуге понял, что, раскачавшись, парень может действовать быстро. Унда же после того, как Илуге выиграл скачки на неоседланном жеребце, смотрел на того, словно на самого Аргуна – бога войны.

– С тобой рядом не пропадешь, – приговаривал он, и Илуге от этого хотелось поежиться – такая слепая вера в него пугала.

Перейдя речку – лед кое-где уже стал синим, и пришлось переправляться осторожно, чтобы не обломить под тяжестью конницы, – они углубились в земли мегрелов. Еще недавно, утверждали горган-джунгары, здесь было основное зимнее становище. Однако их встретили только круги от юрт и старые кострища: видимо, мегрелы всем скопом снялись с места, опасаясь – и справедливо опасаясь! – что предыдущий набег был только разминкой. Когда по степи идет больше двух тысяч воинов, оно далеко слышно.

– А нам что? – говорил на это разозленный Кимчи. – Надо будет, до самого края земли будем гнать ублюдков!

Широкая полоса следов уходила на запад, в сторону кочевий тэрэитов: здесь явно волочили груженные скарбом повозки, шли дети и женщины. Джунгары бросились в погоню в надежде застать беглецов до того, как они успеют прибиться к тэрэитам. Однако вскоре пришлось идти медленней, что сильно раздражало. Местность пошла увалами, овражками, поросшими кустарником, и джунгарам волей-неволей пришлось придержать коней и сбиться плотнее. Кимчи в нетерпении летел впереди всех, и еще два десятка всадников, голова к голове, шли почти сразу за ним, молодецки вскинув руки с мечами.

«Головы нет у этого тетерева, – ругался Великий Орхой в голове Илуге. – И у хана тоже нет, раз поставил. Мы уже подошли к землям тэрэитов, а похожи на мальчишек, гоняющих дроф по степи. Растянулись на два полета стрелы, идем рыхло: бери нас, разделяй и режь, что уваренную баранину».

«Так ведь не видно никого», – попробовал возразить Илуге. Конечно, мысленно. Они часто мысленно препирались. Оба привыкли, хотя поначалу...

«Олух! – гаркнул дух. – Как есть, олух! И за что такой на мою голову?» В сознании Илуге могучий герой в кожаном панцире, бронзовом шлеме, с косицами, свисающими по обе стороны обветренного лица, воздел ладони, вопрошая Вечно Синее Небо.

«Мою. Голову», – поправил Илуге, и великий дух возмущенно осекся, как всегда бывало, когда Илуге напоминал, что все-таки еще считает себя хозяином своего собственного тела.

«Если до заката твоя голова удержится на плечах без моей помощи, сопляк, – наконец с отменным презрением процедил дух, – можешь считать, ты от меня избавился».

Илуге хотел выкрикнуть в ответ что-нибудь запальчивое о том, что и сам прекрасно справится... но промолчал. Он теперь и сам видел, что Кимчи со своим окружением устроил беспечное соревнование и все дальше отрывается от основного войска. Илуге же, напротив, придерживал коня, зная, что Унда и Чонраг сделают то же самое.

Он напряженно вглядывался вперед, в заснеженную степь. Ему показалось – или один из сугробов, разбросанных по степи там и сям, пошевелился?

Стрела сбила с коня Кимчи одновременно с воем, вырвавшимся из сотен глоток. На глазах Илуге сугробы превратились в людей, изо всех сил тянувших за собой толстые веревки. В десяти—двадцати лошадиных корпусах от них снег взвился вверх, и на них нацелились грубо оструганные колья, скрепленные между собой наподобие решетки. Скользя в заранее подготовленные борозды, они мгновенно превратились в устойчивый частокол, из-за которого сразу полетели стрелы. Тэрэиты свистом подзывали своих лошадей, спрятанных где-то сбоку от них, взлетали в седло и носились перед частоколом взад-вперед, посылая стрелу за стрелой. Еще дальше впереди поднялась вторая линия всадников, словно выросшая из-под земли. Все, кто вырвался с Кимчи вперед, полегли сразу. Передовая сотня, лишенная командира, бестолково металась перед частоколом, сзади напирала недоумевающие всадники из других сотен. Ржали кони, раздавались ругательства. Илуге тоже в какой-

то момент почувствовал, что беспомощно разворачивает коня на месте, прикрываясь щитом от стрел. Атака захлебнулась.

– В обход! – наконец заорал кто-то, и всадники, сообразив, что частокол можно объехать, рванулись в разные стороны, уходя от линии обстрела и освобождая место для напирающих сзади. Илуге обнаружил, что скачет вместе с остальными. Унда несея, крича что-то дикое.

«Стой, дурень! – рявкнул Орхой в его голове. – Это ловушка!»

Илуге инстинктивно натянул поводья, но удержал первый позыв заорать вслух, чтобы предупредить остальных. Кто знает, не ошибся ли великий дух?

Не ошибся – он понял это по тому, как кто-то впереди протяжно и страшно закричал. Краем глаза Илуге уловил движение вскинутых задних ног лошади, ее отчаянное ржание, когда ее ноги не нашли опоры, проваливаясь в прикрытый ветками и снегом овражек... Их заманили сюда специально. Судя по тому, что крики раздались и с другой стороны, капкан был надежным. Джунгары снова заматались, принялись напирать друг на друга и вытягивать шеи в попытках понять, что происходит. И гибнуть под стрелами. Прямо перед Илуге наземь упал красивый парень с широко открытыми изумленными глазами. Стрела пробила ему горло.

Илуге резко завернул морду коню, чуть не напорвшись на растопыренные колья.

«Колья!»

В следующее мгновение он уже слетел на землю, оставив в ножнах меч Орхоя и обеими руками сжимая Ягутову секиру.

«Куда, чтоб тебя...»

Перешагнув через труп, Илуге увернулся от молотящих по воздуху копыт и оказался прямо перед частоколом.

Наспех отесанные оструганные колья связывали волосяные веревки. Илуге одним махом разрубил одну из них, и частокол накренился, показывая брешь. Илуге рванулся ко второй, не забывая уворачиваться от беснующихся вокруг лошадей.

Стрела ударила его в левое плечо, когда он уже разрубил вторую веревку, и одна из решеток грохнулась, открывая брешь, в которую тут же устремились джунгары. Кто-то из них додумался рубануть с седла следом, и брешь стала шире. Всадники, ослепленные яростью за позорную смерть своих друзей, неслись как бешеные.

Илуге тупо смотрел на стрелу, торчащую во плоти. Ему не было больно. Он ощущал только противное тепло, растекающееся по руке, на ушедший внутрь по самую втулку бронзовый наконечник и рыжее перо в оперении.

«Чего уставился? Ломай и вытаскивай, дурень! Подумаешь – царапнули!» — злился Орхой.

Илуге послушно сломал древко, дернул, резко втянув воздух от боли, которая пришла наконец огненной волной.

«Х-хах! Теперь вперед!» – Великий дух явно ощущал себя в своей стихии, Илуге ощущал его опьянение звуками и запахами битвы. Что-то незнакомое нарастало и в нем. Вместе с болью, вместе с запахом собственной крови и несшимся отовсюду оглушительным ревом он почувствовал, как горячая ослепительная волна радости захлестнула его. В этом незнакомом, пугающем по своей силе чувстве нарастала жажда. Убивать. Превратить лицо врага в кровавую кашу, размозжить ему череп и погрузить руки по локоть в умирающую плоть. Снова. И снова. И снова.

Илуге тряхнул головой, смаргивая проносящиеся перед его внутренним взором картины.

«Вылезай из моей головы, ты...»

Он еле смог подобраться к своему испуганному коню, которого толкали с разных сторон всадники, пытающиеся прорваться в узкий проход. Наконец ему удалось вскочить в седло и вырваться. Впереди джунгары уже порубили лучников, и теперь тэрэиты показали свои основные силы. Бой закипел всерьез. Илуге оглянулся. Джунгары, пытающиеся просочиться сквозь узкую брешь в частоколе, подобны струйкам песка, бессильно утекающим сквозь пальцы. Нет, так не пойдет!

Илуге решительно развернул коня назад, несмотря на протестующий вопль Орхоя. Послав коня вдоль линии кольев, он принялся одну за другой рубить веревки, с нарастающим наслаждением ощущая, как, по мере того как рассыпается частокол, лавиной катятся на врагов ничем не стесненные джунгарские сотни. За его спиной нарастал рев.

Наконец частокол рухнул, и всадники, ломая колья копытами, вступили в бой в полную силу. И превосходство было явно на стороне джунгаров, несмотря на то, что тэрэиты и мегрелы дрались яростно, точно звери, загнанные в угол. Илуге сам не заметил, как тоже оказался в гуще схватки. Он уже рубил, размахивал секирой, уворачивался, прикрывался, орал что есть мочи, когда удар попадал на щит, который он держал раненой левой рукой, и не думал совершенно ни о чем. Время вокруг него замедлилось, закручиваясь в спираль. В висках грохотало. Вместо крови по жилам, казалось, течет огненная река. Жизнь не имела значения. Смерть не имела значения. Красная пелена застилала ему глаза, но одновременно с этим Илуге будто бы видел себя со стороны – крошечную фигурку над полем, заполненным сражающимися людьми. И оттуда, сверху, какая-то часть его следила за происходящим с пугающим и бесстрастным удовлетворением.

Толчая вокруг становилась такой плотной, что для удара с размахом не хватало пространства. Своего первого врага он убил именно в такой толчее, потому что он смог нанести удар секирой с размаха и расколоть вражеский щит, а у его противника места для сильного удара не оказалось. Секира с хрустом вошла в тело, загоня в него же погнутые пластины панциря. Удар Илуге не убил тэрэита, но вышиб его из седла, где его моментально затоптали кони. Впрочем, Илуге не успел даже оглянуться, как уже отбивал чью-то мелькнувшую у лица пику, и его меч с левой руки входил во что-то мягкое. Второй человек полетел с седла. Илуге услышал, как хмыкнул Орхой внутри – и мир вернулся снова, обрушился на него усталостью и обессиленной дрожью в раненой руке. В ушах звенело.

«Ты потерял много крови, – невозмутимо заметил Орхой. – Бросай секиру – она слишком тяжела».

Илуге упрямо сжал рифленую рукоять. Орхой Великий был прав, но ярость в Илуге так и клокотала. Не нужны ему непрошенные советчики! Его качнуло, крутануло на месте, вынося прямо под сокрушительный удар пращи какого-то орущего во всю глотку черноусого тэрэита. Его спасло только то, что воин рядом с ним воткнул в грудь пращеметателю свою пикку раньше, чем тот обрушил на голову Илуге свой удар.

«Давай, давай прячься за чужими спинами. Сосунок!»

Илуге что-то нечленораздельно промычал от ярости и пустил коня прямо в гущу очередной схватки. Прямо перед ним огромного роста тэрэит навис над воином в раскраске джунгаров, судя по сложению, совсем еще мальчишке. Его двуручный меч свистел, в ключья искромсав щит джунгара. От последнего удара, который едва не выбросил юнца из седла, щит раскололся в щепки. Торжествующе взревев, великан высоко поднял меч, и парень, полуоткрыв рот, следил за ним, как смотрит птица на заворожившую ее змею.

Илуге налетел сбоку, сознательно сшибся с конем гиганта, вынудив его потерять равновесие, и ударил ему в открывшуюся подмышку широким режущим ударом.

Кровь ударила фонтаном, – должно быть, секира перерезала какую-то важную жилу. Рыча, великан обернулся к новому противнику, перебросив меч в левую руку, нимало этим не смутясь. Воздух загудел над головой Илуге, и он вынужден был быстро и низко пригнуться.

Тэрэит пер на него в совершенной ярости, ярко-красная кровь ручьем лилась по правому боку, но силы в нем почему-то не убавлялось. Новый удар пришелся на щит и в голове Илуге взорвались и рассыпались ослепительные звезды. Рану, казалось, прижгли солью. Илуге зашатался и едва не упал.

Тэрэит ухмыльнулся. Илуге видел его глаза, в них было такое выражение, от которого у него холодная волна прокатилась по позвоночнику. Это были глаза опытного воина, раненого мальчишкой. Он уже однажды видел этот взгляд.

Он снова сделал выпад. Илуге понял, что не успеет отклониться и выставить секиру. От силы удара его буквально отбросило, рука потеряла всякую чувствительность и бессильно разжалась, узорчатое оружие Ягута упало под копыта, тускло блеснув. Он услышал, как кто-то кричит, увидел летящий на него сияющий меч врага, и...

Илуге очнулся оттого, что кто-то сидит рядом с ним. Он открыл глаза, сквозь мутный туман, застилавший глаза, забрезжил свет. Он в юрте – скорее всего в юрте лекаря. По всем признакам он должен был умереть...

Илуге скосил глаза на сидящего рядом человека. И изумился. Чиркен, сын Тулуя и Ахат. Его отца он победил в бою за право Крова и Крови, о его предательстве предупредил, обрекая вождя на смерть, а его жену – на позор, который для нее оказался горше смерти. Чиркен должен его ненавидеть. И ненавидел – если Илуге правильно прочел выражение его глаз в эту минуту.

– Значит, ты все-таки выжил, чужак, – с ненавистью выдохнул он, буравя взглядом лицо Илуге.

Илуге молча кивнул. И вспомнил, где видел эти перевязанные красными шерстяными ленточками косицы у висков. Чиркен и был тем юнцом, на выручку которому он бросился. Должно быть, ужасное чувство – быть обязанным жизнью смертельному врагу...

– Ты... ничем мне не обязан, – медленно выдавил он. Левая половина тела ощущалась им как-то странно, была тяжелой, чужой.

– Именно это я и хотел услышать. – Чиркен поднялся, демонстративно отряхнул пыль с колен кожаных штанов и вышел. Илуге вздохнул. Дышать было трудно из-за немоты, охватившей левую половину тела.

«Я все еще жив. Мы... оба?»

Орхой Великий не отзывался. Его присутствие вообще никак не ощущалось. Илуге мысленно ощупывал себя с легким чувством сожаления. А что, если он потерял свою странную связь с великим прародителем косхов? Вот уж никогда бы он не подумал, что будет ощущать сожаление и тревогу по этому поводу...

– Илуге! Ну что, Чиркен приходил? В ножки поклонился или все губу выпячивает? – В юрту ввалились Унда и Чонраг, оба навеселе.

– Ну что, сказали, жить будешь, – не дожидаясь его ответа, стрекотал Чонраг. – Плохая рана, но будешь жить. Эк тебе привалило! Говорил же я себе – надо держаться с Илуге рядом, глядишь, и мне слава засветит. Ан нет – потерял тебя, и все-то снял две тэрэитские башки...

Какая еще слава? О чем это они? Губы Илуге шевельнулись в немом вопросе.

– Гляди-ка, а он и сам не знает, – радостно заржал Чонраг. – Вот умора! Сам не знает, а? Весь лагерь об этом гудит, все вожди от зависти белые ходят, а он и не знает...

– Что? – Он с трудом вытолкнул слово через обветренные, еле разлепившиеся губы.

– Ну что, скажем ему, Унда? – Чонраг глянул на приятеля с насмешливым восторгом. – Жалко, конечно, надо бы так все и оставить – потом будет на что посмотреть, успевай за бока хвататься... Но так и быть. Ты, Илуге... – Чонраг сделал драматическую паузу, опять заухмылялся и махнул обеими руками для пущего эффекта, – убил военного вождя тэрэитов.

Дурак Чиркен его заприметил и попер на рожон, едва Буха отвернулся. А ты и парня спас, и вождя... того... тоже. И как?

– Не помню, – кривая улыбка прорезала лицо Илуге. Унда озабоченно к нему склонился.

– Об этом уже половина войска рассказывает, словно все там были, – продолжал Чонраг. – Как он выбил секиру из твоей руки, и вроде бы совсем тебе бы конец, а тут ты будто прыгнул с седла-то, щит отбросил и откуда ни возьмись вытащил меч. И все в голос говорят, что в жизни не видели, чтобы кто-либо из ныне живущих с этим мечом более искусно обращался! И тогда тэрэиту стал тяжел его двуручный меч, и он взмахнул им, и в этот момент ты отрубил ему кисть, а в следующий миг снес ему голову. Начисто, да так, что она отлетела на добрых четыре корпуса. А потом он упал с седла, а ты повалился на него сам, и так вы и лежали, будто обнявшись, пока мы тебя не отыскивали. Вот.

Илуге вяло кивнул, вызвав разочарование обоих. Сейчас он не испытывал ничего – ни радости, ни удивления. Словно бы сейчас ему рассказывали о ком-то другом. Сам он помнил только летящий прямо на него сияющий клинок врага. И распахивающуюся перед ним бездну.

– А уж после этого Белгудэю удалось рассеять тэрэитов, несмотря на все их хитрости, – вступил в разговор Унда. – С утра приехали люди от вождя тэрэитов. Говорят, они послали гонцов к хану. И назначен сбор через десять дней у озера Итаган. Приближенные Белгудэя говорят одно: так себя ведут, только когда хотят просить мира.

– А это значит, что мы разбили тэрэитов в одной битве! – восторженно прокричал Чонраг. – Слава об этом прокатится по всей степи!

– И не последнюю роль в этой победе сыграл ты, – добавил Унда. Илуге почувствовал, что к его щекам приливает краска стыда. – Хан был прав, когда сказал, что ты способен на невероятные поступки. Я видел, как ты тренируешься, и ни за что бы не подумал, что ты способен справиться с опытным воином. Должно быть, само Вечно Синее Небо охраняет тебя.

«Или мертвец из кургана?» От этих слов Илуге стало совсем тошно, и он слабо шевельнул рукой, давая понять, чтобы его оставили в покое. Он действительно плох – стены юрты то раздвигались, то напоздали на него, перед глазами плавали зеленые круги, на грудь словно легла каменная плита, мешая дышать. Илуге тяжело, нутужно втянул воздух... и что-то внутри будто оборвалось...

Он снова стоял под бесконечным железным небом Эрлика, его сапоги не оставляли следов в сухой красной пыли. Все здесь было красно-черным: черное небо с тусклыми гвоздями звезд, красная, скрипящая под ногами земля. В окружающих его багрово-черных сумерках слышался далекий грохот и тяжелые, длинные, нечеловеческие вздохи – такие, верно, издает сама эта бесплодная, несчастливая земля. Илуге знал, что все что означает и что сейчас может появиться из тьмы. Он очертил вокруг себя спасительный круг, с трудом распрямился и встал, глядя, как, уродливо вытянувшись, лежат перед ним его тени. Та, что слева, пошевелилась, и Орхой Великий поднялся с земли: здесь, в мире Эрлика, повелителя мертвых, он становился видимым. Какое-то время они молча стояли друг напротив друга. Не зная, что сказать.

– Ты все ближе к моему миру, маленький глупец, – раздался ненавистный свистящий шепот, и, обернувшись, Илуге увидел существо из своих кошмаров: черную кошку Эмет, тварь с металлическими когтями из подземного мира, младшую дочь Пожирателя Плоти, Эрлика. – Знаешь, тут есть глубины, в которые даже мы не проникаем. Где-то там, в непроглядной тьме, бродят души рабов, принесенных в жертву. Быть может, когда-нибудь я встречу тебя там. Только ты обо мне забудешь. Они обо всем забывают...

Илуге почувствовал, что его охватывает липкий, всепроникающий ужас.

– У тебя нет надо мной власти, кошка! Уходи!

Страшные зеленые глаза сверкнули в полутьме.

– Это у тебя нет власти – даже власти над собой, человек. Ты уже сейчас мертв наполовину, ты, посмевавшийся нарушить равновесие миров! Скоро, очень скоро ты увидишь, какой подарок принес тебе мертвец из кургана, которого ты спас в своем безрассудстве. Это будет очень, очень скоро. И я буду ждать – рядом. – Эмет оскалилась в довольной, совершенно человеческой ухмылке, несмотря на устрашающие зубы. – Я буду смотреть, как тьма пожрет тебя...

– Какой бы ни была моя судьба – тебе я не достанусь! – выкрикнул Илуге.

– Конечно, нет! – Смех у Эмет был странный, кашляющий. – Мой господин посылает меня за умершими воинами, а не за принесенными в жертву рабами. Но один из вас нарушил законы моего отца, и я буду следовать за вами, пока не убью его!

– Это не так-то просто, кошка, – прогудел Орхой, сжимая в руке свой меч.

– Но и не так трудно, как ты думаешь, мертвец. – Она распахнула свои кожистые крылья. – Ты не увидишь следующей весны этого мира, ты, ослушник богов! Я, Эмет, дочь Эрлика, говорю это. Потому что я – знаю. Впереди у тебя – века темноты. Проживи свой жалкий остаток дней с этим, потому что скоро я приду за тобой.

С этими леденящими словами Эмет прыгнула с места, легко и бесшумно, и унеслась, словно огромная летучая мышь. Колени Илуге дрожали. Орхой посмотрел на него мрачно:

– Не отчаивайся, парень. Смерть вовсе не так страшна, как кажется. Уж я-то знаю.

Глава 3. Узы неожиданности

Многое изменилось за эти последние несколько лун. Очень многое. В первую очередь изменился он сам, думал Горхон, глядя на покрытый вечными льдами величественный силуэт Падмаджипал. До этого года он был кем угодно, но только не человеком, который позволяет собой владеть своим прихотям и капризам. Но, как оказалось, все меняется, и его разум с какого-то момента перестал ему служить столь же безупречно, как и все эти годы.

Он должен был догадаться об этом раньше. Но с некоторых пор он, Горхон, глава школы Омман, могущественнейший из магов Ургаха, стал слеп, как крот. И с удивлением обнаружил, что его цели... поменялись после того памятного вечера в начале весны, когда Горхон нашел князя Ургаха в состоянии, далеком от сосредоточенности...

– И эта глупая старуха молчала столько лет! – Князь Ургаха со всего маху обрушил кубок, выточенный из цельного обсидиана, на стол. Кубок раскололся, черные сверкающие осколки брызнули во все стороны.

– Лучше поздно, чем никогда, – рассудительно произнес Горхон, меланхолически закидывая в рот горсть черного изюма с южных виноградников. – Надо сказать, твои шпионы действовали быстро. И имеют талант оказываться рядом в особо подходящий момент. Или – дай догадаться – они попросту следили за твоей сестрой? Что ж, умно.

– Она ведь действительно призывала меня. – Ригванапади покачал головой, недоумевая. – Своими руками создала для меня смертельную опасность – и призывала. Что, интересно, она от меня хотела, старая карга? Поцеловать в лобик?

– Скорее всего она бы не рассказала тебе того, что рассказала твоей сестре. – Горхон склонил голову, и его длинная, до пят, коса стекла по подлокотнику кресла, словно черная змея. – Она не считала, что Ицхаль способна на убийство.

– На что способна эта зеленоглазая ведьма, никто из нас не знает. Наверняка, – мрачно процедил Ригванапади. – А еще эти два щенка, которые имеют больше прав на престол, чем я, правящий князь.

– Ну, я бы не был столь резок в оценках, – лениво протянул Горхон. Что ж, он так и знал, что Ригванапади даже собственной тени боится. – В конце концов, о них ничего не слышно. Молодые глупцы уже давно должны были ввязаться в какую-нибудь безрассудную выходку. И потом, им еще придется доказывать, что они не самозванцы. Что у них есть теперь? Слова умершей старухи?

– Щенки выросли и могут представлять опасность! – Ригванапади сверкнул глазами.

– Зато теперь никто не обвинит тебя в том, что ты убиваешь детей, – парировал Горхон. – Помнится, именно это в конечном счете и восстановило придворных против предыдущего князя.

Горхон позволил себе добавить в голос чуть-чуть издевки. Невозможно было удержаться – еще бы, ведь именно Ригванапади тогда публично чуть не рвал на себе одежды, рассказывая жуткие подробности убийства своим братом Падварнапасом малолетних племянников, рожденных и нерожденных.

– Что-то ты больно остер на язык, жрец. – Ригванапади уловил намек, и его лицо потемнело. Горхон сделал примирительный жест, и князь тоже предпочел сменить тему.

– Если ты помнишь Ночь Наложниц, то она случилась зимой, – сказал он. – Значит, щенков вывезли из Ургаха тогда же. Может, они и не уцелели, иначе где они?

– Может, и не уцелели, – согласился Горхон. – Или нашли приют у соседей.

– У кого? У куаньлинов?

– Нет. – Горхон покачал головой, поигрывая своим жутковатым ожерельем, сделанным из человеческих черепов. – Куаньлины, получив такой жирный кусок, уже давно бы оса-

ждали Ургах. Это дало бы им в руки роскошный повод для войны. И для... гм... аргументов против твоей власти внутри княжества.

Ригванапади нахмурился, но смолчал. В конце концов, Горхон был прав, недовольные всегда найдутся.

– У степняков? – недоверчиво протянул князь. – Ну, если так, то кого они могут привести? Две сотни вонючих варваров?

– Это вероятнее всего, – усмехнулся Горхон. – Еще вероятнее, если кто-то из них свяжется с влиятельными людьми здесь, в Ургахе, и попытается устроить переворот. Без поддержки в самом Ургахе им никогда не победить.

– Да. Ты прав. – Глаза Ригванапади забегали, он буквально на ходу просчитывал варианты.

«Он маниакально подозрителен, – подумал Горхон. – А такой человек никогда не имеет достаточно разума. Рано или поздно он начинает подозревать всех. И убивать, одного за другим».

– Надо ее убрать. Немедленно. Они свяжутся с ней, – между тем, забыв о жреце, бормотал князь.

– Не будь глупцом! – Горхон позволил себе сказать это опасно презрительным тоном, почти недопустимо презрительным. – Пока на тебе нет крови. Мальчишек можно будет объявить самозванцами. В конце концов, они официально признаны мертвыми, оплаканы и захоронены рядом со своей матерью. А вот убийство Ицхаль тебе оправдать не удастся. Этот повод притянет к себе всех, кто захочет отнять у тебя трон, точно магнитом.

– Ведьма лишила меня наследника своим колдовством! – выкрикнул князь побелевшими губами. Горхон холодно и внимательно взгляделся в его искаженное лицо: Ригванапади совсем источила ненависть.

– На эту сказку в Ургахе никого не купишь, – небрежно сказал Горхон, – тем более что ты еще не вышел из возраста, в котором пытаться доказать обратное столь приятно...

Ригванапади дернулся: он вспомнил холод у горла, свое унижение, почти такие же слова и холодный серебристый голос, который он ненавидел.

– В конце концов, это ты всегда успеешь, – добавил Горхон. – Деваться отсюда ей некуда.

– В этом ты прав, – после долгой паузы сказал Ригванапади. – Сейчас нужно найти, в какую нору заползли эти поганые последки.

Горхон почувствовал смену интонации, ощутил, как багровое пламя ненависти, бушующее в князе, утихает, и еле заметно перевел дух.

– Сегодня ночью я призову нам на помощь свою силу и свою магию, – торжественно сказал он.

– Я надеюсь, тебе не нужно говорить, что все должно быть сделано...

– ...в строжайшей тайне, – перебил князь Горхон. – Можно было не говорить.

– Когда ты сможешь рассказать мне хоть что-нибудь? – с жадным блеском в глазах спросил Ригванапади.

– Пара дней потребуется на подготовку, – подняв глаза к потолку, протянул Горхон, – еще несколько дней придется провести в медитации, навести справки. Быть может, удастся отыскать какой-то... предмет. Людей, о которых ничего неизвестно и след которых затерялся так давно, трудно искать, знаешь ли.

– Все, что ты затребуешь, будет тебе предоставлено, – нетерпеливо сказал князь. – Иди. Сделай это для меня. Как можно быстрее!

– Как говорится, поспешай медленно, – усмехнулся Горхон сжигающему князя нетерпению. И вышел.

Однако, едва он ступил за порог, усмешка тут же сбежала с его лица, и маг задумался. Поиски принцев его интересовали менее всего: он был поражен собственной реакцией. Сегодня он практически спас Ицхаль жизнь, потому что в этот опасный, тонкий, словно лезвие обсидианового ножа, момент одно его слово могло окончательно склонить князя к убийству. А дальше – уже детали, слепых исполнителей воли владыки Ургаха найдется немало...

Почему? Это был сложный вопрос. Повторяя его, Горхон заложил руки за спину и с неприкрыто озабоченным видом прошел по длинным темным коридорам дворца, мимо рядов циклопических колонн, мимо маслянисто поблескивающих в полутьме бронзовых статуй богов и богинь, мимо стражников в рогатых шлемах с застывшими усатыми лицами.

Более того. Учítывая то, что он – и только он! – узнал недавно, не исключено, что жрица теперь тоже вступит в игру. Если, конечно, не уверена точно, что ее ребенка нет в живых. Впрочем, этот козырь следует приберечь напоследок. И найти доказательства.

Но – ах! – держать Ицхаль в кулаке было бы восхитительно. Пожалуй, в зрелых женщинах что-то есть. Они более сложны, тонки, более непредсказуемы, чем молоденькие рабыни, которые годятся только на то, чтобы делиться с ним своей молодостью.

Княжна Ургаха. Посвященная жрица высокого ранга. Такая любовная связь – естественно, тайная, – пожалуй, по-настоящему развлекла бы его, тем более что Ицхаль – он почувствовал это, – несмотря на свои магические практики и тайны, оставалась женщиной, а не упакованной в монашеский балахон безвозрастной старухой, пустой и ломкой, словно высушенной изнутри. Горхон вспомнил, как она села на своем ложе – обнаженная и царственно равнодушная к собственной наготe. Такую женщину приятно покорить, тем более что все инструменты у него на руках имеются. А подчинив ее своей воле, он, Горхон, может добиться многого. Очень многого – больше, чем принесут ему все свитки Желтого Монаха вместе взятые. И почему такая простая мысль раньше не пришла ему в голову? Нечасто путь к большой цели бывает таким приятным...

Ицхаль понимала, что последнее время она ходит по краю бездны. Не то чтобы раньше ее жизнь была столь уж безмятежной – как-никак, она была единственной родственницей правящего князя, до которой он мог дотянуться, но сейчас столько лет державшееся хрупкое равновесие было нарушено. То, что сказала ей перед смертью старая кормилица, все меняло в этой системе мира.

Живы ли двое сыновей ее брата Каваджмугли или нет – для нее все равно. Любое ее действие будет расценено как попытка предательства. И что хуже всего, посланные на поиски лазутчики могут выйти на след ее сына – она сама проложила этот след, отправив Элиру в ее опасное странствие. Она поторопилась, теперь Ицхаль знала это.

Но с того дня, как в ее сердце поселилась надежда на то, что ее сын жив, Ицхаль Тумгор, Верховная жрица школы Гарда, перестала испытывать страх за себя.

В конце концов, она родилась и выросла в Ургахе, княжестве, где даже камни пропитаны древней магией, где жрецов, колдунов и монахов больше, чем пастухов со всеми их стадами. В Ургахе сто семьдесят магических школ, и во многих из них умеют открывать врата будущего. Она сама смотрела в эти врата. Свою смерть она там не видела. А вот смерть своего брата она видела, и смерть эта была воистину чудовищной.

Она могла бы убить его сама. Это было бы легко. С помощью яда или с помощью магии. Ицхаль была достаточно умна и имела несколько верных людей, в том числе и в окружении своего брата. Тех, кто считал, что, если Ригванапади умрет, сможет через ее постель продолжить себе путь к трону. Тех, кто считал, что обет безбрачия, в который ее заключили в четырнадцать лет, словно в кандалы, можно разрушить. В истории князей Ургаха случались куда более драматичные отречения. Чего стоит, например, трехкратное отречение от престола ее прадеда Монаригампо, после каждого из которых следовали массовые казни всех, ему

неугодных, которые монарх переживал, принимая обет монашества и проходя предшествующую ему процедуру омовения от совершенных в мирской жизни грехов. Говорят, в третий раз настоятель монастыря отказался принимать венценосного послушника. Монаригампо убил его на ступенях храма и приставил меч к горлу держащего умывальную чашу монаха:

– Или ты совершишь надо мной обряд, или умрешь.

Монах стал настоятелем, а Монаригампо перебил всех, кто еще смел сомневаться в божественном происхождении княжеской власти.

Ее слабость заключалась в том, что она ненавидела кровь, текущую в своих жилах. Кровь князей Ургаха, убивавших своих предшественников куда чаще, чем им случалось передавать власть мирно. Ее брат Падварнапас, предшественник Ригванапади, был ничуть не лучше. Ночь Наложниц. Убитые женщины со вспоротыми животами. Как хотя бы этим двоим удалось спастись?

Быть может, она неправа, и ей не стоит искать своего сына вовсе. Никогда не увидеть, каким он стал, никогда не сказать ему ни одного слова, – но зато удержать его подальше от этого змеиного гнезда? Но не находится ли он в еще большей опасности среди диких степных племен, постоянно живущих в состоянии войны и грызущихся друг с другом, словно стая собак за кость?

Ей нужен совет. И... еще кое-что, что требует внимания.

Главы монашеских и жреческих школ и орденов весьма часто и беспрепятственно покидали Йоднапанасат. Все, кроме нее. Для Ицхаль покинуть столицу означало выскользнуть из-под контроля брата, а он этого не терпел. Ей пришлось посетить брата лично и навязать себе эскорт из двадцати вооруженных стражников («Дороги столь опасны, дорогая сестра, я просто настаиваю на твоём сопровождении!»). Неотложность своего путешествия она объяснила известием о болезни святой отшельницы Мха Грома. У некоторых крупных школ, к примеру, у школы Узэр, были места, где обитали монахи, отрешившиеся от мирского. Как правило, их кельи размещали в пустынных и диких местах, однако неподалеку от монастырей, чтобы приходящие монахи могли снабжать отшельников всем необходимым. Отшельницы школы Гарда чаще всего селились при Храме Снежного Грифа.

С этим местом у Ицхаль было достаточно много связано, чтобы она сделала то, что сделала. Перелистывая свитки Желтого Монаха, доставшиеся ей как настоятельнице школы, она терпеливо составляла разрозненные куски, распутывала слова забытого языка, разыскивала забытые термины, – и некоторые из ее догадок нуждались в подтверждении. Например, в одном из свитков указывалось, как усилить во много раз свои способности по чтению и передаче мыслей на расстоянии, вплоть до того, чтобы это было возможно даже для полностью неподготовленных людей. Ицхаль всегда мучилась тем, что от природы ее магические способности были довольно посредственны. По крайней мере телепатировать она не могла. А сейчас ей просто необходимо остановить Элиру, которая в этот самый момент может везти ее сына все ближе к собственной гибели. Мысль об этом сводила Ицхаль с ума. Элире необходимо дать знать о происходящем, связаться с ней.

Ей даже не пришлось разыскивать указанные в свитке магические катализаторы. Посетив сокровищницу школы, она обнаружила все, что необходимо, стоящим вместе и аккуратно упакованным в листы тонкой бумаги. И теперь везла с собой. Уместившееся в одном небольшом сундучке, по ценности это имущество равнялось небольшому государству.

Откровенная слежка за собой ее не слишком волновала: Ицхаль знала, что то, что она хочет скрыть от других, обычным стражникам не обнаружить. Кроме того, ей действительно нужен совет Мха Грома.

Дорога разматывалась перед ней, словно лента воспоминаний. Ицхаль снова вспоминала себя – несчастную, изо всех сил сдерживающую слезы пятнадцатилетнюю княжну, выросшую в роскоши и в первый раз отправленную за пределы Йоднапанасат. Сейчас она

считала, что пребывание в монастыре все-таки пошло ей на пользу. Кто знает, останься она при дворе, не отравила бы ей душу его ядовитая атмосфера. Как известно, большие испытания слабых ломают, а сильных делают еще сильнее. Она не сломалась. Не сломать ее и теперь.

Теперь дорога казалась ей легкой. Она практически не замечала обжигающего ветра из распахивающихся за поворотами расселин и пропастей, не боялась смотреть вниз на головокругожительных, обледенелых спусках. Сейчас она бы смогла пройти этот путь одна. Но не тогда. Не тогда...

Когда за эти годы она полюбила приезжать в этот храм, сама Ицхаль не смогла бы точно сказать. Наверное, когда боль утихла и рана от потери любимого и ребенка зажила и перестала кровоточить. Наверное, лет через десять—двенадцать после того, как это произошло. Когда она стала верховной жрицей. Ицхаль приезжала, подолгу оставалась одна. В храме ничего не менялось – те же монахини с морщинистыми лицами, та же тишина. Изредка монахини умирали, и их тела выносили на плоскогорье, на пищу грифам. Пищи было немного, судя по тому, как недолго огромные белые птицы кружились над местом упокоения. Потом выбеленные ветром кости собирали в урну, запечатывали ее воском, разрисовывали мистическими знаками и собирали в погребах. В погребах было больше восьмисот таких урн, и некоторые уже рассыпались в пыль от старости – Ицхаль видела их, когда руководила одной из таких церемоний. Ей нравилось думать, что она тоже найдет свой приют здесь, когда-нибудь.

Путешествие длилось десять дней. Ицхаль, пряча улыбку, наблюдала за тем, как стараются скрыть свою усталость посланные с нею стражники. Она могла бы уйти от них ночью, по снегу, одна. Теперь холод был ей не страшен. Она давно стала туммо – обладающая внутренним огнем. Но теперь это обладание было ей ни к чему. Оно было нужно ей девятнадцать лет назад, когда она хотела убежать отсюда с мальчиком-лонг-тум-ри. Должно быть, тот мальчик умер от перенапряжения и сгинул в какой-нибудь из страшных, заполненных снегом пропастей, спеша к ней...

Когда они въехали во двор (все, все здесь напоминало ей о Ринсэ, все стало безмолвным памятником тому, что здесь произошло), Ицхаль пришлось объяснять присутствие воинов своим монахиням. Еще через какое-то время вереница старых женщин, груженных узлами со своими нехитрыми пожитками, потянулась вверх, в горы:

– Устав школы запрещает им находиться под одной крышей с мужчинами, – пояснила Ицхаль донельзя смущенному командиру. – Школа Гарда – одна из тех, где дают обет безбрачия.

– Я приношу извинения за неудобство, госпожа. – Парень был молод и еще не растерял способности краснеть до ушей. Ицхаль усмехнулась. Возможно, у него есть приказ князя о том, в каких случаях ее следует убить.

– Храм Снежного Грифа – не место, где стоит говорить об удобстве, – мягко улыбнулась она. – Сюда приходят только те, кто хочет противоположного. Я надеюсь, вы не последуете за мной и не будете тревожить святых отшельниц. Обещаю вам, что не убегу.

Это была часть ее плана, с самого начала. Лицо парня перекошилось.

– Но, госпожа... вы не сможете жить *там*. – Он в ужасе глядел на ряды каменных дыр на противоположном склоне, соединявшемся с горой, на которой и стоял храм, жутковатого вида веревочным мостиком.

– Почему же? – Ицхаль от души забавлялась его растерянностью. – Более того, мой юный друг, я сюда приехала за этим. Прошу вас, располагайтесь в храме по возможности удобно. Я планирую здесь провести с Мха Грома и в медитации несколько дней.

«Донеси сколько хочешь», – развернувшись и даже не подумав хоть как-то облегчить парню жизнь, Ицхаль спокойно положила руки на перила мостка. Давненько она не ходила

здесь. Помнится, в первый раз она проделала по меньшей мере половину пути на карачках, в ужасе глядя, как под ее ногами мостик, кажется, вот-вот рассыплется и она полетит вниз с жутким затихающим криком... Сейчас она спиной чувствовала взгляд бедняги, в котором явно ужас и смущение вели борьбу с дисциплиной: «Сопровождай ее повсюду, куда бы она ни пошла! Стреляй при первых же признаках попытки к бегству! При любых подозрительных движениях! И не оставляйте ее вне поля зрения ни на минуту!»

На другой стороне пропасти, ступив на землю, точнее, на сухую серую пыль, не имеющую ничего общего с почвой, Ицхаль обернулась и как можно ласковее помахала стражнику рукой. Как известно, страх – это странное чувство, и одна из его особенностей в том, что если есть повод не делать что-то, что тебя пугает, заставить себя сделать это почти невозможно. А она дала ему, им всем этот повод.

Ради своих исследований она действительно способна спать на голой земле. Однако... это бы потребовало слишком больших усилий. В тех узлах, что несли монахини, были вполне приличные постели, а каменные дыры некоторых пещер были всего лишь входами, прячущими довольно холодные, но все же уж не насмерть промороженные кельи.

Ее вещи уже принесли. Ей хватило только посмотреть в глаза одной из монахинь. Никакой телепатии – просто эти женщины за многие годы знали о ней все.

Она действительно хотела повидать Мха Грома. Поручив двум монахиням начать приготовления после короткого инструктажа, она прошла в вырубленный в скале тоннель, соединявший кельи без того, чтобы выходить наружу.

Мха Грома была здесь еще тогда, когда Ицхаль привозили сюда девочкой. Тогда она была всего лишь одной из тех монахинь, что принимали ее в храме. Через несколько лет над ней провели обряд очищения, и Мха Грома погрузилась в исследование Вечно Сущего. Иногда Ицхаль передавали то, что говорила Мха Грома, – а говорила она с тех пор не больше пяти раз. Три из них были бессмысленным, на ее взгляд, набором слов, зато два – весьма своевременным и ценным предупреждением. Именно послание Мха Грома спасло ей жизнь, когда Ригванапади вздумал ее отравить.

– Мха Грома? – Ее глаза пока не привыкли к темноте кельи, которую она нашла без особого труда по груде черепков: Мха Грома в плохие дни имела привычку швыряться приносимыми ей глиняными плошками в излишне беспокоивших ее прислужниц.

– Це-це-це! – раздалось из темноты, и мимо уха Ицхаль что-то просвистело. Судя по звуку падающих на пол черепков, еще одна плошка.

– Я вижу, вы рады мне, почтенная Мха Грома, – произнесла она с улыбкой. – Ваша меткость вошла в легенду и достигла моих ушей.

– Це-це-це! – снова застрекотала старуха. Теперь Ицхаль могла видеть ее, практически на четвереньках ковыляющую из угла в угол, к темной куче, видимо, постели.

– Мне жаль, что я нарушаю ваш покой, почтенная Мха Грома, – как можно вежливее сказала она. – Однако покорно прошу вашу святость снизойти к нашим мелким делам. Мои собственные способности ничтожны, а окружающие меня приметы пугающи и туманны.

– Ты ничего не знаешь о своих возможностях, княжна, – скрипуче проговорила старуха.

Ицхаль удивилась.

– Я много лет стараюсь развивать их, Мха Грома, но не добилась и половины того, чего добиваются у нас рядовые послушницы. Я знаю, что мои способности много ниже средних, и смирилась с этим.

– Если пустить топор плавать, он и вправду не будет хорошим пловцом, – буркнула старуха. – Но хватит об этом. Не гневи богов, жрица. Тебе дано столько, что боги из предосторожности отняли у тебя такую малость, как вещие сны или возможность поджечь взглядом сухую ветку, – все эти фокусы, которыми люди столь гордятся. Так что ты хочешь видеть?

– Равновесие нарушено, – прошептала Ицхаль, смущенная неожиданными словами отшельницы. – И мой сын, Мха Грома. Он жив. И он в опасности.

– Какой у нас нынче год? – деловито осведомилась старуха.

– Год Снежного Грифа, – подсказала Ицхаль, и старуха вдруг подпрыгнула на добрый локоть от земли.

Мха Грома взвыла и выдала целый поток совершенно незапоминаемой тарабарщины. Потом затихла, лежа на спине прямо на голом полу, с отвисшей челюстью и остановившимся взглядом. Ицхаль, не на шутку перепуганная, позвонила в колокольчик, что носила с собой, и на этот звук пришли две постоянно ухаживавших за святой отшельницей монахини. К ее облегчению, оказалось, что Мха Грома часто впадает в подобное состояние, которое иногда может длиться много дней. Они обернули худое неподвижное тело покрывалами и водрузили на постель. Последнее, о чем подумала Ицхаль, это то, что в келье, против ее ожиданий, совершенно не воняло. Пахло сеном, деревом, сухой тканью. И чем-то еще вроде того, как пахнет морозной ночью в горах. Ясной морозной ночью.

Ицхаль выждала еще два дня. Мха Грома не приходила в себя и она по опыту знала, что может так и уехать ни с чем: откровения отшельницы были совершенно непредсказуемыми. А ей нужен не только ответ.

На третью ночь Ицхаль решилась. Монахини по ее приказу привели в порядок одну из келий, вырубленных внутри горы, но имевших отверстие в потолке для медитаций. Она велела принести сундучок и аккуратно достала из него двенадцать крупных опалов, каждый в оправе из разного металла – меди, серебра, олова, свинца, железа и так далее, четыре шара из горного хрусталя и четыре – из обсидиана, а также совершенно диковинную вещь – шарик чистой ртути, заключенный в стеклянную трубку, запаянную с обоих концов. Разложив их внутри начерченной на полу восьмилучевой звезды, Ицхаль опустилась на колени в ее центре и принялась повторять заклинание. Ее ноги быстро занемели на ледяном полу, по телу побежали мурашки. Закрыв глаза, созерцая расплывающиеся под веками багровые круги, она продолжала повторять заклинание, монотонно, раз за разом. В сочинении Желтого Монаха не было сказано, как передавать послание, и потому Ицхаль одновременно из всех сил старалась возможно коротко сформулировать то, что собиралась передать Элире: «Найди Илуге. Охраняй его. Но не привози его в Ургах, пока не минует опасность. Не сейчас».

Несколько раз ей казалось, что ей удастся визуализировать лицо Элиры в своем сознании и повторить ей послание, но потом все рассыпалось, и Ицхаль не могла сказать точно, произошло это или ей показалось. В ней нарастали неуверенность и разочарование. Наконец, окончательно обессилив, она бросила свои попытки связаться с Элирой и просто отчаянно взмолилась, прося Падме и всех богов и духов уберечь ее сына от грозящей ему опасности и дать ей дожить до того момента, когда она сможет увидеть его. По ее щекам потекли слезы, и она повторяла свои бессвязные молитвы до тех пор, пока все, даже горе, не заслонило настоящее осознание того, что она лежит на холодном полу кельи, и ноги затекли настолько, что ей пришлось распрямлять их руками. Боль казалась нестерпимой, но Ицхаль даже обрадовалась ей – она отвлекала ее от медленно наступавшего осознания того, что ее последняя надежда связаться с Элирой рухнула. Доверить свою тайну она никому не может – из боязни, что невольно выдаст Элиру, а через нее – и Илуге, а у самой у нее постыдно не хватает магических способностей на то, что в ургахских школах считалось хоть и трудным, но не выдающимся. Ей остается только проглотить свое разочарование и искать утешения в медитации.

Она пробыла в кельях еще три дня. Отчасти ожидая, не очнется ли Мха Грома. Отчасти для того, чтобы досадить своим растерянным стражам. Кроме того, здесь она, пожалуй, ощущала, что давящий молот подозрительности брата, душных интриг, всех этих дву-

смысленных, полных яда и осторожного манипулирования фраз, исчез. Так спокойно было сидеть, растворяясь в непоколебимом спокойствии этих мест. Ицхаль почти с сожалением дала приказ о возвращении. Ей бы хотелось обдумать все, что с ней произошло за последнее время, в спокойствии. Однако слишком долгое ее отсутствие может тоже насторожить Ригванапади, и он опять ее в чем-нибудь заподозрит. Она должна быть вдвойне осторожна, если хочет когда-нибудь увидеть своего сына. Живым.

Она уже ступила на веревочный мост, вызвав суетливую беготню своих стражей на той стороне разделяющей их пропасти, когда к ней подлетела запыхавшаяся послушница.

– Мха Грома... она зовет вас, – пролепетала она, и Ицхаль немедленно развернулась.

В келье ее встретил пронизывающий взгляд. Мха Грома больше не кидалась посудой. Она выпрямилась, завернулась в свое рванье и вышагивала по келье с весьма величественным видом. Увидев Ицхаль, святая вытянула руку:

– Как ты можешь быть такой глупой, Ицхаль Тумгор? – строго спросила она. – Я размышляла о твоих словах и осознала, что ты и впрямь не знаешь, кто ты. А я столько лет считала, что Церген сказала тебе... Значит, мое откровение о Годе Снежного Грифа может разрешиться и так: Ицхаль Тумгор узнает о своем предназначении! Или так: святая отшельница Мха Грома заставляет кости Церген сплясать, называя ее старой дурой! – и Мха Грома захихикала, поднеся к губам сморщенный кулачок.

Она могла себе позволить называть покойную предшественницу Ицхаль просто по имени. – Мха Грома и той годилась, верно, в старшие сестры.

– Я не знаю, кто я, – ровно произнесла Ицхаль.

– Ты – Ярлунга! – почти прошептала Мха Грома таким тоном, словно только что сообщила Ицхаль величайшую тайну.

– Но... я ничего не знаю о них, – растерянно сказала Ицхаль.

– О, да сгниют мои кости! – пронзительно взвыла Мха Грома. – Как тебя учили, девочка! Куда смотрела Церген, тупая дочь ослицы! Нет ничего страшнее, чем не ведающая, что творит, Ярлунга! Она же знала, что в правящей княжеской семье концентрация крови Итум Те выше, а значит, выше вероятность Его появления.

– Кого? – тупо переспросила Ицхаль.

– Ярлунги! Проводника! Исполнителя Воли богов! Того, чьи желания сбываются! Избранного! Ты, глупая женщина, не можешь быть Ярлунгой, в самом деле! Оставь меня, я ошиблась. – И старуха с оскорбленным видом отвернулась.

– Значит, того, чьи желания сбываются? – ласково поинтересовалась Ицхаль. – То есть боги настолько ко мне милостивы, что, если я пожелаю, скажем, чтобы эта гора разрушилась, – она разрушится?

– Заткни рот, нечестивка! – заверещала святая отшельница в совершенно неприкрытом испуге. – Ты хоть понимаешь, что способна натворить таким образом? И уже натворила?

– Что, все желания сбываются? – допытывалась Ицхаль.

– Все. Даже самые глупые. Даже те, о которых только думаешь, не произнося вслух. Есть только одно условие – желание должно исходить из самой глубины сердца. Так написано, – мрачно сказала старуха. – Боги посылают Ярлунгу в мир, когда хотят повернуть ось событий, происходящих в мире, в новое русло. Там, где Он оказывается, совершаются странные вещи, которые всегда имеют глубокие последствия для мира, в который Он послан. Можно сказать, Он притягивает такие события к себе, как магнит притягивает металлические опилки. И он не совершает их сам, – но воля богов через него приводит материю вещей в движение, меняет их и направляет. И совершенно не обязательно, что изменения эти не имеют чудовищной сути. Это тяжелая ноша. В ее облегчение боги дали Ярлунге дар исполнения всех желаний.

– Это неправда! – закричала Ицхаль. – Я не Ярлунга! Иначе я не была бы разлучена со своим ребенком, и Ринсэ бы остался жив!

– Иногда попадаютсЯ очень, очень глупые ярлунги, – покачала головой Мха Грома. – Те, которые произносят свои желания, а потом забывают о них. Или говорят одно, а имеют в виду другое. Или имеют противоречивые желания. Запомни: сбываются все, даже невысказанные... – Лицо Мха Грома пылало какой-то пугающей радостью.

Ицхаль стало страшно. Она вдруг почувствовала, как в ней клубятся, каждый миг выплывая на поверхность, сотни, тысячи злобных, мелких и завистливых желаний.

– Ты ошиблась, – обессиленно прошептала она.

В этот момент она вспомнила. Шестилетняя девочка получает нагоняй от отца, все- сильного князя, за то, что подслушала разговор о своей помолвке с Эхэ-Гэсэром, сыном одного из сановников. Пойманной за этим занятием, Ицхаль очень страшно. Она поджигает губы и, гордо вздернув голову, решительно заявляет, что никогда ни за кого замуж не пойдет.

– Ицхаль! Не смей оспаривать мою волю! – Отец в гневе встает и угрожающе нависает над ней. Маленькая Ицхаль упрямо тянет подбородок:

– Я хочу стать жрицей. Не хочу быть... как это... по-мол-влен-ной. Не хочу замуж за... как его... Эхэ-Гэсэра. Ни за кого заму-уж не хочу. Ясно? Хочу быть жрицей и научиться читать мысли, и прочим чудесным вещам. Вот так!

Видение дрогнуло и пропало. Ицхаль долго молчала, потом закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

– Это должно уже быть даже в пределах моих сновидческих способностей! – раздраженно закричала Элира. – Его, должно быть, кто-то спрятал!

– Да, госпожа. – Один из посланных с нею монахов чуть наклонил голову. И где они ей таких в сопровождение нашли, этих чурбаноголовых молчаливых пней? Она даже до сих пор не различает их ни по лицам, ни по именам. Кажется, какого-то из них зовут Ани, а какого-то Даас.

– Что – да? – огрызнулась Элира. – Ты что, можешь подтвердить?

– Нет, госпожа, – с той же интонацией произнес монах и отошел подальше.

Элира и сама знала, что ведет себя ужасно. Но ей действительно было очень страшно, и этот страх не имел ничего общего с реальными опасностями. Она боялась открытого пространства степи, этого огромного пустого пространства, простиравшегося во все стороны. Здесь она чувствовала себя какой-то очень незащитной – так человек, войдя в помещение, всегда ищет, к чему прислонить спину. А здесь – эта странная унылая плоскость, эти ветры, дующие одновременно со всех сторон, холодные и пронизывающие до костей, от которых совершенно некуда скрыться, этот коварный, тонкий слой снега, под которым – выставшая обледенелая земля...

Через полторы луны после того, как они выехали из Йоднапанасат той зимней ночью, Элира достигла своей первой цели – окраинного степного монастыря. Настоятельница, крепко сбитая женщина средних лет, чьи черты выдавали ее явную принадлежность к степным племенам, безо всяких вопросов приняла их, накормила, снабдила картой, припасами и свежими лошадьми. Должно быть, Ицхаль Тумгор уже передала ей свои указания.

Как ей ни хотелось задержаться и провести хотя бы пару лун, проникаясь странным, диловатым и печальным очарованием этого далекого храма, выстроенного из красивого бежевого сланца, с его девятнадцатью монахинями и могучими молчаливыми степняками, охраняющими их, Ицхаль Тумгор торопила ее, и Элира не посмела послушаться. Судя по тому, как долго искала Верховная Жрица это что-то или кого-то, оно представляет исключительную важность. Поэтому, подробно расспросив настоятельницу насчет путей в земли племени косхов и получив от нее твердый четырехугольник из дубленой кожи с вытиснен-

ными на нем красными знаками – нечто вроде пропуска для монахов на землях нейтральных и дружественных племен, Элира снова пустилась в путь. Несмотря на то, что она, как истинная ургашка, презрительно относилась к жителям равнин, считая их изнеженными, свое мнение ей пришлось быстро пересмотреть. Зимняя степь ничем не отличалась от высокогорных плоскогорий Ургаха – тот же пронизывающий ветер, и холод, и отсутствие всякого укрытия.

Монастырь стоял на землях койцагов. Ей предстояло пересечь их и земли уваров, следуя на северо-восток, выйти туда, где встречаются границы пяти племен, – эту долину настоятельница ей описала особо, и войти на земли косхов чуть западнее их границы с кхонгами.

Все эти новые названия на чужих языках, звуки чужой речи, чужое небо над головой – все тревожило ее. Может быть, потому и сновидения выходили рваными и мутными, как старая тряпка?

Ее спутники, напротив, казались безмятежными и выносливыми, как местные мохноногие лошадки. Их бритые затылки и уши всегда блестели, натертые ячьим жиром, их коричневые одежды, как оказалось, могут превращаться и в плащ, и в палатку, их обмотанные кожаными ремнями ноги неумоимо местили снег. Ночью они разжигали костерок: так, как его разжигают в степи, пряча огонь под специально сложенным укрытием, – и не так видно, и от ветра защищает. Элира куталась в меха, хмурилась, уходила. Оба послушника, не обращая на ее раздражение никакого внимания, принимались играть между собой в странную игру: кто кого успеет схватить на выставленные растопыренные пальцы. Игра казалась Элире очень глупой, но скорость, с какой они это делали, впечатляла.

Пару раз попадались люди. Поселениями эти группки войлочных юрт назвать было трудно – просто торчат в степи у какой-нибудь сопки или реденькой колки пять-шесть киби-ток, да пасутся с десятков тощих коней.

Завидев их, все приходило в движение, далекие фигурки начинали суматошно метаться – видимо, обитатели степей в любой момент были готовы к нападению. Но и путникам было не с руки останавливаться. Припасы были у них с собой, языка они не знали, а потому наслаждаться гостеприимством степняков не хотели и не могли.

Потом они наткнулись на вооруженных людей, и Элира поняла, что такое страх. Вначале на горизонте возникли черные точки. Монахи забеспокоились, закружили вокруг нее, переговариваясь между собой на каком-то малопонятном ей горном наречии, где звуки лились с немыслимой скоростью. Потом один из них схватил ее коня под уздцы и они остановились: один чуть впереди, другой чуть сзади, прикрывая ее крупными лошадями и своими телами. Так Элира поняла, что на этот раз им угрожает опасность. Точки на горизонте увеличились, превратившись в фигурки всадников. Беспомощно ждать, как надвигается неведомая опасность, – вот природа страха, поняла Элира, пересчитывая фигурки. Всадников оказалось около трех десятков. Теперь уже можно было различить их: плоские, темные, обветренные лица степняков, головы прикрыты рыжими лисьими и сурочьими шапками со свисающими по обе стороны щек пушистыми хвостами, поверх засаленных халатов распахнутые овчинные тулупы мехом вовнутрь. На поясах – мечи вовсе не игрушечного вида в простых кожаных ножнах, за спиной у каждого лук и полный колчан стрел. К седлам приторочены круглые кожаные щиты и волосяные арканы, у некоторых – еще и палицы, окованные железом. В общем, эти люди – явно воины, а не мирные охотники. Приблизившись, они быстро и молча взяли их в кольцо. Озираясь, Элира видела хмурые темные лица, непроницаемые глаза. Чувствовала крепкий, едкий, звериный запах, окружавший их.

Она высоко подняла данный ей пропуск.

– Тамга! Тамга! – закричали степняки, и еще что-то на своем языке, она не поняла. Круг разорвался, вперед выехал крупный мужчина на рыжем коне. Элира не сразу поняла,

что он правит конем без седла – его могучие ляжки в кожаных штанах обнимали бока коня, направляя его без всякого движения рук.

– Цахо. – Он приложил руку к груди, видимо, представляясь. – Увар тойамыг.

Элира поняла, что ее приветствуют, и улыбнулась. Воины опять закричали. Вождь бесцеремонно взял поводья ее лошади и потянул за собой. Монахи было насупились, но решили не связываться. «Тоже мне, защитники», – мысленно фыркнула Элира, но выбора у нее не было, и она послушно потрусилась рядом, улыбаясь всякий раз, когда вождь оборачивался. Это требовало от нее некоторых усилий, так как, когда он в ответ улыбался ей, становилось видно, что у него не хватает верхних резцов. Конечно, каждый житель степи знал, что это является обязательным атрибутом Обряда Посвящения у уваров, но ей-то откуда было об этом знать? Ей его улыбка казалась по меньшей мере жутковатой.

Ехали довольно долго – или ей показалось? Красное, мутное, словно бычий глаз, солнце уже коснулось края земли, когда они обогнули довольно-таки высокую сопку, и с ее подветренной стороны стали видны огоньки. В сухом морозном воздухе запахло дымом и прогорклым жиром, зашлись псы, учуяв возвращающихся людей. В предчувствии близости дома, всадники пошли широкой рысью, взметая из-под копыт веера колючего снега, и Элира в очередной раз поразились тому, насколько ладно, легко и грациозно держатся в седле эти варвары.

Признаться, она тоже почувствовала это ноющее чувство близости человеческого жилья, мысль о мягкой постели и тепле стиснула горло. Послушницы школы Гарда закаляли тело бессонными ночами в неотапливаемых кельях, подолгу жили в пустынных, заброшенных монастырях, так что ее никак нельзя было назвать неженкой. Но путешествие по Великой степи зимой было настоящим испытанием на прочность.

У вождя оказалось две жены, и одна из них была с земель койцагов, язык которых Элира хоть как-то выучила, когда останавливалась в монастыре. Обнаружив это, вождь обрадовался, по-детски захлопав в ладоши, и Элира поразились такому простодушию в крупном взрослом мужчине, который, как ей подсказывали все ее инстинкты, мог быть совершенно безжалостным убийцей.

Она, отбросив всякую брезгливость, с наслаждением приняла вырезанную из дерева чашку с крепким горячим бульоном, в котором плавали куски вареного мяса. Ложки не полагалось, и Элира после некоторого замешательства последовала примеру остальных, которые вылавливали из бульона куски прямо пальцами.

– Ургаши? Ургаши? – настойчиво спрашивал ее вождь, когда она сняла шапку и стали видны ее светлые волосы и эмблема школы Гарда – круглый серебряный диск с маской Итум Те: духа с высоким переносом, зажмуренными глазами и загадочной улыбкой. Получив утвердительный кивок, вождь что-то взволнованно заговорил.

– Цахо спрашивать... Каваджмугли... кто? – Элира с трудом продралась сквозь слова незнакомого языка, и когда поняла их, на ее лице отразилось изумление.

– Каваджмугли – вождь. Умер. – Она надеялась, что правильно произнесла слова. По крайней мере вождь заинтересованно наклонился к ней и его жена опять начала переводить. Элира поняла не все. И в этот момент остро пожалела, что не выучила язык лучше. Потому что того, что она поняла, хватило, чтобы она стала дышать реже, унимая охватившее ее возбуждение.

– Ребенок... Каваджмугли? Здесь? Недавно? – боясь ошибиться, она переспросила.

– Ребенки. – Вождь нагнулся к ней и выговорил слово по-койцагски, старательно шевеля широкими губами: – Два. Делать война, они. Так.

Элире отчаянно хотелось спросить, сколько им лет, но она не знала как. Конечно, как и все ургаши, она знала страшную легенду о Ночи Наложниц, хоть и была тогда слишком мала, чтобы помнить ее.

– Делать правда? – Только после долгого молчания Элира поняла, что вождь спрашивает, справедливы ли притязания этих неведомо откуда взявшихся людей на трон Ургаха.

– Самозванцы, – решительно сказала она по-ургашски. Выражение ее лица было таким, что перевода не потребовалось. Но вождь заметил и тень сомнения, скользнувшую у нее по лицу.

– А? – переспросил он.

– Мне нужно кое-что... уточнить, – пробормотала Элира. И опять перевода не потребовалось.

Глава 4. Итаганский мир

У Темрика снова болел левый бок. Надсадно ныл, отдавая болью в руку и левую лопатку. В ночь после смерти Ахат боль была нестерпимой, но потом вроде отпустила и через несколько дней прошла совсем. Однако через некоторое время приступы стали повторяться. Что поделать – стареет хан. Э-эх, не вовремя, как не вовремя! Случись с ним что, власть над племенем передать некому. И ладно бы время было спокойным, как хотя бы год-два назад! Ан нет, как раз большая волна по степи пошла. Не время сейчас юнцам спокойно взрослеть – сейчас время либо погибнуть от любой безобидной ошибки, либо повзрослеть быстро и окончательно. А старший внук, Джэгэ, еще совсем мальчик. Впрочем, мальчик или нет, а в последнем бою показал себя достойно. Эта мысль снова – уже в который раз! – вернула Темрика к событиям, последовавшим за этой во всех отношениях изумительной победой.

Гонец с предложением мира пересек степь, когда над ней впервые засияло яркое весеннее солнышко, на ветках ивы в пойме Уйгуль засверкала первая капель, и лед посинел. Темрика в самых почтительных выражениях приглашали к озеру Итаган. Он, еще не дослушав гонца, уже знал – поедет. За этот неожиданный мир – ему, приготовившемуся к долгой и яростной войне, – стоило ухватиться.

А дальше начались дела и вовсе удивительные. На озере Итаган сходились границы пяти племен: охоритов, джунгаров, мегрелов, тэрэитов и ичелугов. Озеро, большое, с заросшими айром и дикими ирисами берегами, летом служило прибежищем многочисленным стаям птиц, да и щуки в нем водились огромных размеров. В иной год джунгары подкочевывали к нему с принадлежащего им восточного берега и подолгу жили: земля здесь была тучной, а травы – сочными. Тэрэиты занимали северо-западный берег и зимой частенько срезали путь по льду. Однако сейчас об этом не могло быть и речи: озеро уже начало вскрываться ото льда под натиском поздней и дружной степной весны, его берега превращались в заболоченные плавни, насыщая озерным илом заросшую тростником пойму.

Пожалуй, он не торопился. Победителю поспешать не пристало. Темрик с должной обстоятельностью принес положенные жертвы, с должной неторопливостью собрался. Ехал тоже не торопясь, несколько даже забавляясь нетерпением посланных за ним сопровождающих. Из-под снега уже вылезли первые цветы, когда он наконец ступил на тэрэитскую землю.

Приехав заключить мир, Темрик вполне разумно полагал, что договариваться о выкупе за убитых, о возвращении пленных будет только с побежденными. Однако в уговоренном месте на землях тэрэитов он обнаружил не только их. Приехали обе ветви ичелугов. Был еще Дархан, новый хулан степных охоритов, – Темрик не так давно узнал о преждевременной смерти его брата, хулана Хэчу, о котором от побратима слышал много хорошего.

Темрик насторожился. Он в конце концов прожил долгую жизнь и уже мог предположить, что это неспроста. Не придется ли ему иметь дело с военным союзом племен? Поэтому он втайне порадовался, что его войско до сих пор не покинуло земель мегрелов, лишь слегка отойдя назад. Если придется туго, гонец доберется до Бухи меньше чем за два конных перехода. Это хорошо.

Приезжать с большим количеством челяди он посчитал ненужным. Однако ошибся – ичелуги, к примеру, прибыли в таком количестве, что это наводило на весьма неприятные мысли. Дархан же, напротив, приехал всего с пятью людьми. Странно это все, странно и неприятно. Потому что тревожаще. Темрик не жалел об отсутствии людей – не было среди них после смерти Угэдэя того, кого бы он выслушал, у кого бы попросил совета. А Онхотой и так с ним. Возможно, стоит послать за вождями других ветвей племени, но сначала надо про-

верить, не ловушку ли ему устроили. Темрик подчеркнуто не торопился. Терпеливо ждал, пока воины, сопровождающие его, раскинут белую ханскую юрту, все обустроят, зададут корму лошадям и сами отдохнут. Ни к кому никого посылать не стал. Сидел в юрте, ждал: пускай сами идут к хану, как просители.

Пришли практически сразу. Приземистый тэрэит с изрядной сединой в волосах с весьма обнадеживающей почтительностью пригласил его вечером принять участие в обряде отведения Юхэн Шуухан Тэнгри – «Дождя с Кровавых небес». Обряд этот, посвященный Земле-Матери Этуген, проводился после больших кровопролитий, дабы задобрить милосердную богиню и очистить ее тело, оскверненное кровью павших в битве. Пусть сыновья Этуген – Аргун и Эрлик, и радуются кровавой жатве, но мать их теперь нечиста, и горе тому, кто не принесет бескровных жертвы богине, будь он хоть победитель, хоть побежденный.

Темрик, правда, уже принес жертвы в джунгарском становище. Однако совместный обряд – еще один знак мира, отказаться от него все равно что сказать о продолжении войны. А после обряда, призванного смягчить недавних врагов, следует говорить о выкупе. Все происходило по освященной традиции предков – разве что свидетелей оказалось многовато. Что-то затевалось.

Темрик оделся продуманно. Надел новый халат белого цвета – цвета войны, с нашитым на него красным и синим шелковым орнаментом. Поверх надел нагрудник с родовыми джунгарскими нашивками, тяжелую золотую цепь. Кольца на каждый палец. Пояс чистого серебра с крупными сердоликами. Известно, что богачу труднее предложить мало. Все имеет значение.

Посланным за ним сопровождающим пришлось долго переминаясь с ноги на ногу у порога, прежде чем Темрик позволил себя отвести к назначенному месту. Отведение Юхэн Шуухан Тэнгри проводят на закате, в сумерках, когда День Аргуна и Ночь Эрлика одинаково далеки. В этот хрупкий момент междумирья их кроткая и щедрая мать Этуген вздыхает и окутывает землю влагой, исправляя своей живительной силой все, что сделано по воле ее жестоких сыновей. Потому камлают Этуген только старые женщины-шаманки, из тех, чья природа уже очищена. Обритые наголо, в широких траурных балахонах, они ждали поодаль на небольшом холме позади тэрэитского становища. Их было три, и одна из них была уже так дряхла, что ее приходилось держать под руки двум молоденьким помощницам.

Вожди с челядью уже собрались. Стояли молча, с каменными лицами, посыпая голову золой из принесенных чаш. Расступились перед Темриком, когда он зачерпнул из чаши широкой темной ладонью и щедро обмазал себе голову и лицо. Вождь тэрэитов Саагат – невысокий, худощавый, тоже перепачканный золой, сейчас выглядел похожим на облезлого ворона. Темрик встал рядом с недавним врагом, незаметно покосился. Похоже, тэрэит и впрямь сломлен поражением. По левую руку от него стоял Дархан, а за ним... Темрик от удивления моргнул: рядом с охоритом, явно чувствуя себя неловко, стояли два светловолосых человека с глазами такого цвета, какой он видел только один раз. И недавно.

Остальных он всех знал. Вождь мегрелов Хамман. Вождь ичелугов Кавдо и его брат Амдо. И – очень удивительно! – вождь баяутов Зелиху. Мысли Темрика замелькали с нарастающей тревогой. Что он здесь делает? Земли баяутов лежат у самых дверей Ургаха, далеко от озера Итаган и взаимных распрей соседних племен. Его присутствие сразу поднимает слишком много вопросов. И потом, эти два незнакомца, лица которых ощутимо раздражают хана, словно они напоминают ему что-то, что никак не вспомнить...

Темрик чуть сдвинул брови, отводя взгляд от этого удивительного сборища. Позже. Не пристало хану глазеть, выдавая свою неосведомленность.

Две шаманки затянули молитву Этуген, обходя по кругу гостей и рассыпая в холодную, мерзлую еще землю горсти смешанного с золой зерна. Третья ударяла в бубен медленным стуком, и звук его в старческих руках был каким-то неприятно дребезжащим.

Ветер стих, еще больше стемнело. Холодный, сырой воздух ранней весны, казалось, заколыхался, загустел. Темная стена деревьев, широкой дугой уходившая к озеру, тоже замерла, не издавая ни звука. Темрик почувствовал, что дышит медленнее, тяжелыми скорбными вздохами, глаза словно налились свинцом. В ушах глухо гудел бубен: тр-р-умм... т-р-румм. Да, старая шанартай тэби была сильной, очень сильной. Темрик буквально чувствовал, как исходящая от нее воля окутывает всех мягким покрывалом.

Проходя по кругу, шаманки каждому вложили в ладони небольшую чашку с сухим хурутом. Его надлежит съесть, а взамен в чашку положить приношение Этуген. Раздав чашки, не переставая петь, шаманки двинулись в обратный путь, принимая взамен оставляемое в чашках приношение богине: горсти сушеных ягод, разноцветные бусины из дерева и обожженной глины – дары земли. Когда до него дошла очередь, Темрик с трудом прожевал угощение, а в чашку из припасенного кожаного мешочка доверху насыпал золотого песку. Встретил удивленный взгляд женщины. Неслыханный по щедрости дар!

Завершая обряд, шаманки вернулись к шанартай тэби, трижды вскрикнули хриплыми, протяжными голосами и растворились в темноте. Они будут оставаться на этом месте еще три дня, не разжигая костров, чтобы не ранить землю, – столько времени требуется, чтобы пропеть все положенные молитвы.

Подбежали молоденькие помощницы с полотенцами, заботливо отерли вождям головы и лица. Темрик вздохнул, стряхивая оцепенение. На какой-то момент в его сердце болезненно и ясно вошла тоска по погибшим сыновьям. Он помнил такой же обряд на том поле, где когда-то нашел их – мертвыми. Старый хан стиснул зубы. Не для того приехал.

В гостевую юрту, приготовленную для участников обряда неподалеку, Темрик вошел последним, намеренно задержавшись. При его появлении гомон немедленно затих. Темрик обвел присутствующих взглядом, который отнюдь не располагал к добродушию. Недаром у джунгаров говорили, что хан может взглядом вогнать в землю на пол-локтя. Кряхтя, поднялся хозяин – Саагат. На его лице все еще оставались полосы сажи, губы скорбно поджаты. Он явно не чувствовал себя уверенно, и эта неуверенность читалась на его лице. Дархан снова был с ним рядом – сидел по левую руку, а двое незнакомцев – по правую. Почетные гости.

Темрик остановился напротив, тяжело упер руки в бока. Что ж, небесным тэнгэринам дань отдана. А теперь пора говорить о том, о чем следует. И не ему, Темрику, начинать.

– Приветствую хана могущественных джунгаров, – без всякого выражения произнес Саагат. – Садись, угостись за нашим столом. Это знак дружбы, которой я бы хотел с вашим народом.

– Слова твои сладки, – хрипло парировал Темрик, – а только не мои воины первыми перешли установленную нашими предками границу.

Саагат слегка покраснел.

– Это было глупым поступком. – Слова давались ему с трудом. – И я наказан. Какова будет цена твоего мира, хан?

Слишком легко. Темрик не ожидал, что Саагат столь беспрекословно и прямо подчинится. Он ожидал долгих разговоров о доблести и чести, о совместных славных подвигах, ожидал осторожных намеков и длительного торга. Что-то не так.

– Ты уверен, что твои гости, – он широким жестом обвел собравшихся, – готовы ждать, пока мы закончим обсуждение наших взаимных обид?

Темрику не хотелось их присутствия. Не на Пупе же он, в самом деле.

– Ты прав, как всегда, мудрый хан, – кивнул Саагат. Может, ему и хотелось этого (иначе бы зачем он вообще завел этот разговор), но условия здесь диктовал Темрик. – Однако, я полагаю, то, зачем мы здесь собрались, интересует тебя. И, возможно, больше, чем получение выкупа от моего племени.

– Что ж, я послушаю, – кивнул Темрик.

Встал Дархан. Он был угрюм и нервничал, однако остальные вожди явно принимали его если не за лидера, то хоть бы за ведущего. Это Темрик прочел в устремленных на Дархана взглядах. Странно. Очень странно, что охориты завязали какую-то сложную интригу, а Кухулен не прислал людей, чтобы заручиться его, Темрика, поддержкой.

– Великий сын Волка, – обратился он к Темрику с надлежащим почтением. – Мы, вожди шести племен, собрались здесь, чтобы обозначить и объявить нашу цель, которая принесет в наши юрты богатую добычу, в наши сердца – гордость за свершенное, а на наши границы – мир, какого мы еще не знали доселе. Ведь как у нас в степи повелось: и знаем друг друга, и обычаи предков блюдем, а будто волки дзерена разрывают наше единство братоубийственные войны. Доколе будут умирать наши воины от рук друг друга, поить кровью своей Мать Этуген? Доколе будем врагами из-за пары тощих овец или места у водопоя?

Дархан воздел руку, призывая духов в свидетели того, сколь болит его, Дархана, сердце за творящийся вокруг разлад и смуту. Темрик чуть-чуть приподнял одну бровь. И молчал.

– Позволь, великий хан, рассказать тебе одну историю. – Дархан сбавил тон и продолжал уже своим обычным голосом: – Вот сидят рядом со мной люди. По волосам их и глазам видишь ты, что не степные они люди. И так это. Рядом со мной сидят истинные наследники ургашских князей, чудом уцелевшие в бойне, жестоко и подло организованной много лет назад, после убийства их отца, последнего законного князя Ургаха Каваджмугли. – Судя по тому, как гладко он говорил, Дархан повторял эту историю не единожды. – После подлого убийства своего родного брата престол узурпировал Падварнапас, однако его же преступления обрушились ему на голову волей Вечно Синего Неба, и он был убит так же, как убивал сам: своим третьим братом, который сейчас и правит Ургахом. Поскольку о том, что истинные наследники выжили, никто не знает, кроме нескольких преданных людей, до недавнего времени оспорить власть братоубийцы Ригванапади никому в голову не приходило, так как других наследников мужского пола в Ургахе нет. Однако время пришло, когда сидящие рядом со мной принцы – Унарипишти и Даушкиваси – связались с верными людьми, чьи имена были им оставлены. С той стороны их заверили, что народ Ургаха с радостью примет законных наследников, руки которых не запачканы кровью, которые выросли вдали от дома, в изгнании, в далеких северных степях.

– С чего вдруг такая забота о княжеских распрях Ургаха? – медленно спросил Темрик. Он уже начал кое-что понимать и своим вопросом хотел выиграть время, за которое он сможет переварить услышанное.

– В ту далекую зиму двух мальчиков вывезли из княжеского дворца, где звенели крики умирающих женщин, – продолжал Дархан. – Они пересекли перевал Косэчу и оказались в землях охоритских родов. Мой брат, хулан Хэчу, взял мальчиков на воспитание. И потому в какой-то мере они являются моими братьями, что мы недавно скрепили обрядом побратимства. Долгие годы прожили они среди нас и, можно сказать, вскормлены молоком степных кобылиц. Но сейчас их время пришло, принцы не в силах больше смотреть, как престол, по праву принадлежащий им, занимает братоубийца. Потому принцы через меня предложили вождям степных племен помочь им вернуть себе свое законное право на престол Ургаха. И в обмен на это – такую плату, после которой каждый ребенок в степи будет сыт, а каждый мужчина сможет заплатить за невесту достойный выкуп. Ты, великий хан, видишь перед собой тех, кто посчитал для себя делом чести восстановить попорченную справедливость. И мы, высоко ценя тебя и зная о славных подвигах джунгарских воинов, предлагаем и тебе присоединиться к правому делу, за которое к тому же последует награда более чем достойная!

Дархан замолк. Темрик смотрел на него бесстрастно. Он, конечно, ничего не имел против того, чтобы разграбить Ургах, что им, очевидно, предлагалось, однако что-то неуловимое

продолжало тревожить его. Правда, теперь становился понятен тактический маневр Саагата. Тэрэит пытался отвлечь джунгаров от последствий своего неудачного выступления, предложив намного более заманчивый кусок: огромные, набитые битком за многие века сокровищницы Ургаха. А союзников (каковым Саагат намеревается с ним стать) неразумно обобратить до нитки, тем самым ослабив.

– Сколько воинов могут выставить ургаши? – деловито спросил хан. По его подсчетам, за сидящими здесь могут пойти около тридцати тысяч воинов. Если джунгары присоединятся к ним – можно собрать пятьдесят тысяч.

– Пятьдесят тысяч, – быстро сказал один из ургашей, Даушкиваси. По тому, как сказал, Темрик понял: или врет, или не знает. И сто тысяч – это для Ургаха немного. А еще ему не слишком понравилось, как они заулыбались, поняв из его вопроса, что Темрик рассматривает уже самую возможность такого похода.

– За Ургахом идет опасная колдовская слава, – продолжал он.

– Мы – законные наследственные князья! – вскинул голову Унарипишти, и Темрик вдруг понял, кого ему так напоминает ургаш. Понял и мысленно охнул: магические школы Ургаха способны отличить правду от лжи. А значит, те из них, кто захочет справедливости, пойдут за нами. Большинство же, насколько я знаю, вообще не вмешивается в светскую жизнь.

– Угу, – машинально кивнул хан. Его мысли мчались галопом. – А что другие племена степи?

Дархан слегка поджал губы.

– У некоторых мы еще не были. Надо немного подождать, когда будут свободны пути. Думаю, на весеннем Пуе будет в самый раз это обсудить. Кроме того, мы планируем обратиться за помощью к куаньлинам.

– К куаньлинам? – недоверчиво переспросил Темрик. – Вы сами к себе притянете неприятности! Эти хищники только и ждут чего-то, что нарушит существующее равновесие. Если они появятся в Ургахе, вам там уже ничего не достанется, а Ургах быстро станет куаньлинской провинцией. – Хан говорил сердито, не сдерживая себя. Надо же, что удумали, молодые глупцы!

– У нас есть план, как держать их в узде, – хитро улыбнулся Даушкиваси.

«Что ты знаешь об этом, мальчик?» – Темрику все меньше нравилась самоуверенность новоявленных князей, и он почувствовал, что начинает злиться.

– И ты мне говоришь, Дархан, что Кухулен-отэгэ одобрил твой план? – задал он следующий вопрос. Дархан дернулся, переглянулся с братьями.

– Нет. Кухулен-отэгэ... Не во всем с нами согласен, – натянуто произнес Унарипишти. Темрик в этот момент понял, что пошлет за разъяснениями к Кухулену. Он должен знать о пришельцах многое, раз они выросли у охоритов. А значит, до получения известий с ответом следовало затянуть. Темрик внутренне расслабился – решение принимать не сейчас, будет время все спокойно обдумать.

– Так что ты решил, хан? – напряженно вглядываясь в его лицо, спросил Дархан.

Лицо Темрика было спокойным.

– Мне надо подумать, – добродушно сказал он. – Камлать велю. Спрошу совета у духов.

Дархан слегка поморщился: по-видимому, рассчитывал, что джунгаров, славившихся по степи своим свирепым нравом, удастся увлечь за собой сразу.

– Когда известишь нас? – нетерпеливо спросил Даушкиваси.

Хан усмехнулся.

– Это как повелит Небо.

Темрик вспоминал.

Саагат все же вынужден был принять его условия: по десять коней за каждого убитого джунгарского воина, по пять за каждого раненого и сверх того еще два сундука с золотой и серебряной посудой куаньлинской работы. Большой выкуп. Но Саагату пришлось заплатить – как, спрашивается, он покинет степь со своими воинами, если у него в тылу не будет мира с ними, джунгарами. Ничего, пускай сдерет половину со своих прихвостней-мегрелов, думал Темрик, ухмыляясь в бороду. Хорошо все обернулось.

Обратно ехал тоже не спеша, подставляя лицо весеннему солнышку. Удовлетворенно отмечал, что оттепели пришли рано, снег в долинах потемнел, и на взгорках уже сошел, обнажая сухую рыжую траву и камешки. В воздухе носились, верещали мелкие птички, а над ними величаво парил сокол, присматривая себе добычу. Степь оживала. Уйгуль, должно быть, уже вскрылась ото льда, и пришло время достать из коробов, хорошенько почистить и забросить сети. Скоро на взгорки выйдут из своих нор отощавшие за зиму сурки и юркие суслики, потянутся на север журавли-красавки и длинношеие белоснежные лебеди...

Что ответить, он еще не решил. Посоветовался с Онхотоем и с тайным удовольствием прочел на его лице тень сомнения. Шаман тоже осторожничал, советовал пока не торопиться. Обещал спросить об этом у духов и обронил, что неплохо бы выждать до весеннего Пула (который спокон веков проходит в то время, когда степь покрывается ярким радостным ковром весенних цветов), чтобы стало ясно, кто еще из степных племен решит присоединиться. Впрочем, Темрик предвидел, что многие вожди так же будут мяться и поглядывать на него – что скажет грозный джунгарский хан. Как-никак, у джунгаров больше всего воинов, и слава за ними идет опасная: иной и побоится оставить свои беззащитные юрты с женщинами и детьми неподалеку от джунгарских границ. Подумать стоило. Ургашские сокровища манили, манил запах опасности, картины никогда не виденных земель всплывали в воображении. Молодежи это бы пришлось по вкусу, разом прекратило межродовые дразги. Известно ведь, что в мирное время такие ссоры вспыхивают чаще. Война не только кормит, она еще и объединяет. Тем не менее необдуманных шагов предпринимать не следовало. Едва прибыв в становище, Темрик отправил двух воинов к Кухулену. Пообспросить его мнение, разузнать. Охоритские роды могли выставить не меньше тьмы – десятки тысяч воинов. Пока Темрик их посчитал, но стоило на всякий случай разузнать получше. Со стариком Кухуленом они дружили давно, а вот неожиданная прыть младшего брата умершего хулана была какой-то... натужной, словно тот прятал под ней что-то. Да и узнать, нашли ли убийцу Хэчу, не мешало.

Однако существовало еще кое-что, помимо всего этого. Развалясь на шелковых подушках в своей юрте и глядя на уютно потрескивающую куаньлинскую жаровню (ее он взял как выкуп после одной из битв), Темрик думал. Конечно, сходство между ургашами и беловолосым чужаком Илуге могло быть случайным. Могло быть. А могло и не быть. Не так много в степи беловолосых. Сначала он как-то не придавал этому значения. Беляки иногда встречались среди племен, прилегающих к ургашским землям, – у баяутов и у лханнов, которых ичелуги вырезали много лет назад. У косхов и джунгаров – никогда. Илуге не косх, не похожа на косхскую женщину и его сестра. Правда, сестра у него – рыжая, но, может, она не единокровная? Такое бывает. В любом случае чужака следует осторожно расспросить. Тем более что парень оказался далеко не бесполезен. Надо же – убил тэрэйтского военного вождя. Темрик хмыкнул. Это уже второй, считая Тулуя. Ничего так мальчишка, начал неплохо. Если присовокупить к этому то, что Темрик видел своими глазами, можно даже решить: хороший из него выйдет воин. Вот молод еще пока, глуп...

Внезапно Темрику пришла в голову еще одна мысль. А то и неплохо, что молод, – молодым между собой легче, проще и прочнее завязываются узы дружбы. Он, хан, не молодеет. Случись что – будет у джунгаров распря. Надобно уже сейчас начинать натаскивать на управление племенем своих внуков, чтобы потом ни у кого не возникало вопросов по поводу

их молодости, неопытности и каких-либо прав. Им нужен военный вождь, и ему следует назначить военным вождем одного из своих внуков. Дело непростое. Оба мальчика только этой осенью посвящены в воины. Оба мальчика родились со столь небольшой разницей, и оба имеют почти равные права на ханский удел после его смерти. Оставив одного из них обиженным, Темрик собственноручно посеет семена ненависти и будущей вражды между ними. Уже сейчас видно, что Белгудэй собирает вокруг себя сторонников Джэгэ, а Буха – сторонников Чиркена. Оба надеются править из-за их спин...

– Ты звал меня, великий хан?

Полог юрты дернулся, пропуская Илуге. Прищулив глаза, хан следил, как тот выпрямляется, кланяется еще раз – ему, онгонам и снова становится прямо. Сейчас, после того, что он видел, сходство его с ургашскими княжичами стало совсем явным. Однако у тех было что-то совсем чужое в манере держаться. В интонациях, в выборе слов – во всем. Илуге, хан готов был в этом поклясться, вел себя как человек, который в степях родился.

– Садись, победитель. – Темрик позволил себе усмехнуться. Так, самую малость, а парень вдруг до ушей покраснел.

– Благодарю.

И молчит. Ждет. Весь – как натянутая тетива, однако старается выглядеть невозмутимо. Это Темрику понравилось.

– Загадка ты для меня, – доверительно сообщил хан. – Вот, позвал поговорить.

Илуге вскинул на хана глаза, пожал плечами.

– Пришло время тебе рассказать о себе, – продолжил Темрик, глядя на него в упор. – Я – хан, все обо всех знать должен. Какого ты племени?

– Лханнов, – после долгого молчания сказал Илуге.

Темрик вскинул бровь.

– Их уже двенадцать лет как ичелуги вырезали.

– Не всех.

Видно было, что парень отвечает неохотно, слова роняет, будто гири. Но Темрик сразу поверил. Ему доводилось иметь дело со лханнами, даже доводилось бывать в их горных жилищах. Как и кхонги, они жили оседло, сеяли зерно на склонах гор и добывали руду. А еще – искристые камни невероятной красоты. Не повезло парню родиться. Или повезло – должно быть, ичелуги оставили в живых детей. Да, прикинул Темрик, тогда парню как раз могло быть зим пять—семь. Чудом выжил.

– Мать свою помнишь? – неожиданно спросил Темрик.

Илуге дернулся. Не ожидал он такого вопроса. И той боли, которая теперь разливалась по телу, словно в старую рану снова воткнули нож. Но то, что он уже давно не вспоминал – вернулось, вернулось с обжигающей ясностью, словно произошло вчера. Мать. Ее светлые волосы, ее мягкие руки, ее длинное белое одеяние. Ее смерть. И вина вернулась вместе с болью. Он помнил, как мать спрятала их с Янирой в огромной плетеной корзине внутри юрты. В корзине было темно и тесно, малышка Янира сопела и норовила выпростать ручонки из рубашонки, в которой запуталась. Илуге слышал, как мать что-то говорит страшным, странным и низким голосом, слышал, как снаружи раздался топот ног, и замер. А потом он чихнул. В корзине было полно травы и пыли, и волосы Яниры лезли ему в нос. Вот он и чихнул. От неожиданности Янира завопила и вскочила, они потеряли равновесие, корзина опрокинулась и они вывалились из нее. Мать бросилась было к ним, и Илуге успел заметить, что на пороге на коленях стоит много огромных страшных людей, а потом мать споткнулась, и Илуге увидел, как окровавленный наконечник стрелы противно торчит у нее из живота. Янира закричала, и он спрятал сестру за спину. А потом он больше ничего не помнил. Ни об отце, ни о лханнах – эта сцена заслонила все. Должно быть, у него были рыжие волосы – судя по цвету волос Яниры.

– Помню, – глухо ответил Илуге.

Его до самого основания сотрясал стыд. Он тут живет, радуется победам, в то время как кровь матери остается неотомщенной.

– Странно... – пробормотал хан, будто размышляя о чем-то своем. – Странно...

– Ты прав, хан. – Лицо Илуге вспыхнуло, глаза зажглись. – Странно жить под одним небом с убийцами своей матери. Дозволь мне... уйти. Не хочу стать поводом для войны между ичелугами и джунгарами. Но если не позволишь – уйду все равно! Не смогу с этим жить!

Темрик, к его удивлению, не разозлился. Помолчал, покатав в ладонях бронзовую чашку.

– Молод ты еще, – наконец сказал он спокойно. – Глуп. Молодым мир всегда простым кажется.

– Отпусти. Я должен, – повторил Илуге.

Хан покачал головой.

– Теперь ты джунгар. Или ты забыл свою Просьбу, воин?

Голос хана неожиданно налился свинцовой тяжестью, и Илуге почувствовал, что от этих интонаций дрожь прокатилась по позвоночнику.

– Не забыл хан. – Илуге вскинул голову. – А то бы ушел сам, без спроса.

Темрик неожиданно расхохотался:

– А ты упрямый.

Илуге молчал, закусив губу.

– Вот что, – посерьезнев, сказал хан. – Ты так многого не знаешь, а готов уже рогами воздух бодать. Твоя месть ичелугам – что булавоочный укол. Будет на ком зло сорвать. Ибо с тех пор племя это проклято. По этой ли причине или иной – а только вот уже двенадцать лет в их родах не рождаются мальчики. Никакие моления, никакие жертвы не принесли результата. Неужто ты думаешь, что такой небесной кары недостаточно?

– Недостаточно, – мотнул головой Илуге. Перед глазами снова красным цветком распускалась кровь на белом платье...

– Ты дурак, – сказал Темрик. – Молодой, самолюбивый дурак. Отомстить за кровь матери – твой долг, но много ли тебе будет чести мстить тем, кто и так стоит на коленях?

Илуге вдруг замер. Поднял на хана глаза и глаза были совершенно безумные – так, что Темрик даже слегка испугался. Он еще помнил, какое лицо было у этого чужака в день поединка с Тулуем...

– Онхотой... говорил мне... – еле слышно прошептал Илуге. – Говорил, что я должен буду сделать выбор... Между долгом и честью...

Темрик серьезно кивнул:

– Это нелегко. Но у тебя, мальчик, на самом деле нет выбора.

И улыбнулся.

Глава 5. Выбор

Ясные, лунные ночи Илуге с некоторых пор не любил. Особенно под открытым небом, когда полная луна, выщербленная оспинами пятен, нависает над головой. Но Темрик назначил его в дозор, а Азган, сотник дозорных, – сюда, на западный дальний пост. Место здесь было выбрано с умом – небольшая расщелина на вершине одной из сопок. Отсюда, укрытые нагромождением камней, они никому не видны, а им самим видна вся степь до горизонта. Предыдущие «совы» – так называли дозорных – сложили из камней очаг так, что отсветы пламени издали незаметны, если не разводить огонь сильно, но хватает, чтобы согреть озябшие руки и высушить промокшие сапоги. Правда, ветер здесь, наверху, пробирает до костей. Потому остальные «совы» спят внизу, вместе с лошадьми, в замаскированном в зарослях тальника убежище, поочередно сменяя друг друга.

Илуге Азган назначил главным, несмотря на то, что он среди своих троих спутников оказался самым молодым. Но, похоже, после его победы у озера Итаган все приняли это как должное. Хотя обязанностей у него оказалось не особенно много: каждый и так знал свое дело. Для себя Илуге оставил последнюю часть ночи – ту темную и глухую пору, когда голова сама собой склоняется на грудь, а звуки тонут в сырой пелене поднимающегося тумана.

Стараясь не обращать внимания на мозжащую боль в раненой руке, Илуге вглядывался в темную линию горизонта. Рана, полученная в бою у тэрэитов, заживала плохо, постоянно ныла и сочилась сукровицей, а холодные сырые весенние вечера не способствовали выздоровлению. Но сейчас это было даже хорошо: боль отвлекала.

Было тихо, почти устрашающе тихо. В такие мгновения в голову будто сами собой лезут суеверные мысли, чудится какое-то шевеление за спиной, какие-то неясные звуки за гранью тех, что производит ночная степь. А ему – ему было чего бояться. Илуге старался не обращать внимания на страх, угнездившийся где-то на краю сознания, на темные, невеселые мысли. Он – воин. И то, что задумал, выполнит, выполнит несмотря ни на что.

Даже хорошо, что его назначили в дозор. Они здесь уже три дня, на рассвете их должны сменить. Тогда он наврет что-нибудь, чтобы не возвращаться в становище с остальными, и отправится в свое последнее путешествие. В том, что оно последнее, Илуге не сомневался. Как не сомневался в том, что его время сделать выбор пришло. Раньше он мог бы оправдать себя заботой о Янире – но на новую луну Онхотой сам отстриг девушке прядь ее рыжих волос и сжег на жертвенном костре, накормил ее жертвенным мясом и чашу с молоком, в котором были растворены капли ее крови, принес онгонам, проведя завершающий обряд принятия в племя. Теперь Янира – такая же джунгарка, как и Нарьяна, онгоны приняли ее благосклонно. Что бы ни случилось с ним, Янира теперь под защитой племени обол-джунгаров.

А ему пришло время вернуть долг крови ичелугам. В памяти Илуге всплыла издевательская ухмылка хана. Как ни странно, разговор с ним только подстегнул решимость Илуге. Пускай ичелугов и настигла небесная кара – но убийцы его матери все еще ходят по одной земле с ним. Этому не бывать! И даже сам Аргун Белый не сможет помешать ему, Илуге.

Илуге готовился тщательно, но так, чтобы никто ни о чем не догадался. Даже Баргузен, даже Янира. Так будет лучше для всех, для него тоже – еще начнут отговаривать, девчонка еще, чего доброго, заплачет или проболтается Нарьяне, а там уже тайну в горсти не удержать. Нет, великие дела мужчина и воин совершает в одиночестве, без лишних причитаний. Илуге до блеска начистил меч и секиру, тщательно смазал и проверил упряжь. Наполнил стрелами колчан. Это ни у кого вопросов не вызывало – в дозор идут вооруженными, в степи всегда опасно.

Уходя, он постарался вести себя как обычно, однако что-то видно было в выражении его глаз – Янира против обыкновения увязалась за ним, и долго шла следом, и все махала рукой. И глаза у нее были встревоженные.

Илуге сцепил челюсти. Лучше ему об этом не думать. Лучше ему думать о том, как добраться до земель ичелугов, как напасть. Илуге был тогда достаточно взрослым, чтобы помнить, где располагалось становище той ветви племени, где он жил когда-то. По его памяти, ему предстоит пять полных дней пути. Потом придется еще кружить, высматривать, чтобы обойти их караулы – так что нынешний опыт ему пригодится.

Луна теперь светила ему в лицо, завершая свой путь по небосводу. Может быть, поэтому на душе его было тяжело и мутно. А это нехорошо для воина, пускающегося в такой поход. Он должен быть исполнен осознания собственного пути, и ярости, и решимости. Но мысли, как назло, снова и снова возвращались к сказанному Темриком.

Много ли чести мстить тем, кто уже и так стоит на коленях?

Илуге мотнул головой, отгоняя сомнения. Он должен. С убийцами матери под одним небом не живут. Осталось совсем немного – за его спиной, на горизонте, небо уже неуловимо порозовело, в тальнике во все горло залились птицы, распевая свои весенние песни. Все вокруг светлело, теряя мрачные краски уходящей ночи и возвращая полнокровную радость весны. Однако он, Илуге, выбрал для себя смерть. Отныне его время – ночь, его дело – ненависть. Так ему следует думать.

Илуге приподнялся, напоследок окидывая степь. И замер: на западе, скрытые до этого небольшим увалом, навстречу двигались всадники. На какой-то мучительный момент он заколебался, но потом стремглав бросился вниз, будить остальных.

– Чужие!

Джунгары быстро и без суеты поднялись в седла. Илуге кивнул худощавому парню на хорошем – лучшем из всех – гнедом жеребце:

– Тугалак. Езжай к Азгану, предупреди, – и прежде чем договорил, тот уже сорвался с места в галоп.

Остальные следом за Илуге, не торопясь, выехали из-за сопки навстречу чужакам. Солнце вставало за их спиной, делая длинными тени.

Всадники приближались. Пожалуй, увидев выезжающих навстречу, они несколько замешкались, хотя числом явно превосходили джунгаров. Илуге насчитал двенадцать.

Когда они подошли на расстояние выстрела, Илуге до отказа натянул лук и крикнул:

– Это земли джунгаров! Если вы идете с миром – стойте!

Всадники нехотя заворотили коням морды. Отсюда были уже видны их лица – не слишком приветливые. Однако вряд ли кто-либо в здравом уме будет соваться на земли джунгаров с десятком воинов с дурными целями. Вперед выехал высокий человек, упер руки в бока и закричал:

– Мы по приглашению к хану Темрику! Так-то джунгары встречают гостей?!

Ни о каких приглашенных Азган Илуге не предупредил. А должен был бы, зло подумал Илуге. Или стоящие перед ним брешут, что псы, увязавшиеся за течной сукой.

Подъехали ближе, почти вплотную. Илуге тоже выехал вперед, остановил коня напротив говорившего: по всему выходило, он у них за главного.

«Что сказать? Что меня никто не предупредил? Как-то глупо выходит – все равно что оправдываться... А джунгарскому воину это не пристало...»

– Покажите тамгу, – хмуро сказал он, сверля глазами пришельца. Тот презрительно сощурился, и солнце высветило из-под шлема зеленые, как у самого Илуге, глаза.

– Тамгу нам дал сам хан Темрик, – надменно процедил тот. – Ему и будем показывать. Не всяким там голодранцам.

«Наглый, – подумал Илуге, сдерживая сочившуюся из него холодную злость. – А ну как и впрямь важные гости?»

– Тот, кто назвал джунгарского воина голодранцем, рискует отведать его меча, – нарочито медленно отрубил Илуге и протянул руку ладонью вверх. – Покажите тамгу – или будем ждать здесь, пока мой дозорный не вернется с разрешением хана!

– Как ты смеешь так разговаривать со знатным человеком, безродный пес? – Чужак задышался, сверлил его неуютными глазами. Но смотреть на Илуге против света долго не выходило.

– У тебя, чужак, твоя знатность на лбу не написана. – Илуге решил, что ему нечего терять. Тамгу ему показать не спешили, и, несмотря на дорожную одежду незнакомца – искристую соболью шубу, новехонькие сапоги, откормленного коня – в груди зашевелились подозрения.

– Тупая твоя голова. – Вперед выехал второй всадник, до странности похожий на первого. – У тебя что, глаз нет? Перед тобой наследные принцы Ургаха, и нам нет необходимости размахивать кусками кожи, чтобы нас признавали! Во всей степи нет никого, похожего на нас!

С этими словами второй говоривший снял шлем, тряхнул светлыми волосами. Илуге чуть не поперхнулся. Услышал, как сзади то ли ахнул, то ли хмыкнул Малих.

– Эй, принцы! Если вас только по масти узнают, так убирайтесь назад, у нас свой принц имеется! – весело закричал он и легко снял шлем у Илуге с головы. После битвы с тэрэитами волосы уже начали отрастать и теперь топорщились коротким светлым ежиком.

Илуге доставило большое удовольствие поглядеть на то, как оба пришельца буквально разинули рты. Всадники позади них, явно смущенные, сгруппировались поодаль. И только теперь Илуге бросился в глаза родовой орнамент на их халатах и упряжи. Ичелуги!

Илуге добела стиснул кулаки, от слепой ярости потемнело в глазах. Вот, собрался идти мстить, а тут само Небо их прямо навстречу выслало!

Видимо, что-то изменилось в его лице, потому что наглец напротив даже попятился:

– Эй, ты, бешеный! Мы – послы! За убийство послов сам Темрик тебя на кол нанижет!

Убийство послов на всех землях степи – оскорбление лишь чуть менее тяжкое, чем убийство шамана. У Илуге затряслись руки от усилий сдержать себя. Конь под ним, которому, видимо, передалось напряжение хозяина, заходил ходуном.

– Илуге! Смотри, Тугалак возвращается! – закричал Малих. – И Азган с ним!

Илуге не повернул головы, но уже и сам уловил drobный стук копыт. Значит, Тугалак встретил воинов, посланных им на смену. Хвала Аргуну, не придется торчать здесь, – иначе он точно бы бросился на «гостей».

Вожак пришельцев бросил взгляд за его плечо, а потом вновь впился в лицо, беззвучно шевеля губами. Будто стараясь запомнить имя.

– Кто такие? – Азган, подъехав, насупил густые брови. Широкий, кряжистый, с глубокими ранними залысинами, он выглядел старше своих лет. Узкие глаза холодны, руки сжимают лук – а уж стрелка лучше Азгана у джунгаров не было, четырежды побеждал на состязаниях!

– Перед тобой, доблестный воин, наследные принцы Ургаха Унарипишти и Даушкиваси, – второй «принц», признав в Азгане главного, говорил теперь даже чересчур слащаво, – которых твои дозорные по своему скудоумию чуть не порубили на месте безо всякой на то причины. Едем мы к хану Темрику. На озере Итаган мы предложили ему присоединиться к созданному нами союзу племен. Хан обещал подумать и пригласил нас навестить его после того, как все положенные обряды будут совершены. Вот, едем за ответом к хану.

Унарипишти при этом покосился на Илуге, всем своим видом давая понять, какую ошибку тот только что едва не совершил.

– Тамга у вас есть? – коротко спросил Азган.

– Тамгу дают, если посылают незнакомцев, – с нажимом произнес Даушкиваси. – А хан Темрик звал нас сам. Какая тамга?

Азган еще больше насупился, оглядывая пришельцев. Те стояли прямо, с надменным видом, поигрывая упряжью и тяжело вздыхая, словно дивясь тому, сколь неповоротливы мозги у джунгарских дозорных!

– Ладно, дорогие гости, – вовсе неласково произнес Азган. – Раз хан вас ожидает, так тому и быть. Сопроводим вас к хану.

– А не боитесь караул бросить? – язвительно поинтересовался Унарипишти. – Вдруг еще чужаки появятся! Видим мы, что джунгары свои границы зорко стерегут!

– А это не ваша забота, – буркнул Азган. С ним было четверо свежих дозорных, которые, повинувшись молчаливому приказу, отъехали к сопке. Азган мотнул головой, приглашая Илуге, Малиха и Хурхэна занять место позади чужаков, полукольцом.

Кони, нервно мотая головами, сразу пошли рысью.

Илуге хотелось завывать, как волку в лунную ночь. Проклятые ургаши! Другого такого момента ему еще долго не представится...

Ургаши оказались настырнее, чем Темрик ожидал. Не стали ждать, пока он соизволит известить их о своем решении, и заявили сами. Смелые. Впрочем, поддержка джунгаров важна для них настолько, что у них не было другого выхода. Решится хан поддержать их – не только двадцать тысяч джунгарских воинов прибудет, но и многим вождям из других племен можно будет кивать на его, Темрика, решение. Джунгары – пастухи степных племен. Однако Темрику не понравилось, что на него давят с ответом. Онхотой камлал позавчера, и хан еще только ждал его. Да и вообще намеревался потянуть время. А теперь придется что-то говорить, юлить, выгадывать, а все это ему совсем не пристало.

А потому хан велел сразу гостей к нему не вести, по всей строгости совершить обряды очищения (в давние времена считалось, что чужеземцы могут принести с собой неведомые злые чары, и потому их следовало очистить либо собственной кровью, либо заговорить, окурив ветками багульника и задобрив онгонов). Пускай посуеются, пометаются по юрте, – глядишь, призадумаются о своей поспешности, особенно о том, как она выглядит в глазах других. И вызвал Онхотоя.

Ургаши приехали, наряженные в собольи шубы поверх дорогих халатов, с мечами, украшенными перламутром рукоятями, и черными лаковыми ножнами. Словом, выглядели диковинно и богато. Половина племени, любопытствуя, кто такие и зачем прибыли, побросала свои дела, которых в это время года и так не слишком много, и столпилась у ханской юрты. Однако Темрик не вышел. Явно разочарованных ургашей отвели в отдельную юрту, а Темрик тем временем рассылал гонцов к главам других родов. Пока-то съедутся... Обойти мнение других ветвей племени в таком вопросе – нанести смертельную обиду. Однако и позволить ургашам заговорить им зубы тоже нельзя... Темрик задумал хитрость.

Он продержал их в этом переходящем в бешенство ожидании целых три дня. Вполне достаточный срок для того, чтобы юнцы подрастеряли свою спесь. Это было частью его плана – вывести их из себя и поглядеть, каковы они будут за своим неведомо откуда взявшимся дорогим фасадом. Все это время Темрик собирал все сведения об Ургахе, какие мог – у Онхотоя, у Ягута, у стариков. Картина вырисовывалась не слишком обнадеживающая. Если у этих самоназванных принцев действительно есть сторонники среди приближенных князя и можно ожидать помощь с той стороны, еще можно о чем-то говорить. Если они врут (а они почти наверняка врут) – дело безнадежное. Ургах заперт в кольце непроходимых гор. Основная дорога – перевал Тэмчиут – хорошо охраняется, и сам перевал, судя по рассказам, таков, что степные методы ведения войн к нему неприменимы. Обходные пути... Нет,

без уверенности в победе совать голову в эту петлю рискованно. И потом, кого он направит. Белгудэя – единственного оставшегося в живых разумного родственника? Или своих внуков, чтобы они сложили головы за чужой удел? Темрик колебался. А потом перестал, когда на измученных долгой дорогой конях вернулись посланные им воины с ответом Кухулена-отэгэ.

– Вставай, соня! Голову напечет!

Илуге открыл глаза и увидел над собой два улыбающихся девичьих лица. Оказывается, он заснул, пригревшись на солнышке. Казалось, буквально только что он решил чуть-чуть посидеть на пригорке, пустив коня обдирать пучки прошлогодней травы. Смотрел вдаль, любуясь пронзительно-голубым небом с нежными белыми клочками облаков, вдыхал запах влажной, пробуждающейся земли и щекотал себе нос желтеньким цветком, торопливо распустившимся там, где еще вчера хрустела ледяная корка. Прикосновение теплой земли к больной руке принесло облегчение, и он сам не заметил, как задремал.

В следующее мгновение Янира и Нарьяна уже спрыгнули с седел и уселись рядом.

– Ой, смотри. – Янира показала на лицо Илуге, и девушки покатались со смеху. Илуге вспомнил, что нюхал цветок и принялся торопливо утирать нос.

– Ты нос-то получше утри, – сказала Нарьяна. – Тебя хан вызывает. Вот, приехали от него, мы и решили тебя отыскать. А ты тут... цветочки нюхаешь. – Уголок ее рта весело поехал вверх.

– Опять? – Илуге вздохнул, с неохотой поднялся, почувствовав, как тянущий, болезненный холод снова ползет по больной руке.

После той встречи с ургадами прошло три дня, и эти три дня Илуге кружил вокруг поставленной для них юрты, как лиса у сурочьей норы. Смотрел, как они просыпаются, справляют нужду, шутят у костра по вечерам. Ичелугские ублюдки. Иногда жажда убийства становилась нестерпимой, хотелось броситься вперед, почувствовать, как хлупает кровь в пробитом горле... Но Илуге отступал, молча впивался зубами в пальцы: нельзя, не сейчас. Сейчас они под покровительством Темрика, приняты им. Горе тому, кто посмеет нарушить законы гостеприимства. Теперь придется выждать, пока «послы» отправятся восвояси. И пойти следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.